

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Инженерный Журналъ 1860 года, №№ 5-й и 6-й. — Чтеніе для Солдатъ 1860 года, №№ 3-й, 4-й, 5-й и 6-й. — Солдатская Бесѣда 1860 года, №№ 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й. — Народное Чтеніе 1860 года, №№ 3-й, 4-й, 5-й и 6-й. — Военно-Медицинскій Журналъ 1860 года, №№ 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й и 12-й. — Русскій Инвалидъ за 1860 годъ.

Инженерный Журналъ 1860 года. № 5 и № 6.

Въ официальномъ отдѣлѣ названныхъ нами двухъ номеровъ «Инженернаго Журнала» особеннаго вниманія заслуживаютъ «Матеріалы для исторіи инженерной части въ Россіи». Матеріалы эти появились въ печати еще въ № 4 разсматриваемаго нами журнала, и въ № 5 и № 6 помѣщено продолженіе ихъ, заключающее въ себѣ все относящееся до постепеннаго образованія инженерной части и до порядка службы въ инженерномъ вѣдомствѣ, въ теченіе XVIII столѣтія. Не имѣя возможности ознакомить нашихъ читателей со всѣми перемѣнами, какимъ подвергалась, въ теченіе цѣлаго столѣтія, инженерная часть въ Россіи, мы ограничимся только приведеніемъ слѣдующаго общаго вывода, сдѣланнаго «Инженернымъ Журналомъ», относительно управленія

инженерную частью въ XVIII столѣтїи: «Начало, положенное Императоромъ Петромъ Великимъ въ основаніе инженерной части, выражается словами его устава: «инженеры zelo потребны суть при атакѣ или оборонѣ какого либо поста». На этомъ основаніи вызванная де-Кулономъ (*) къ отдѣльному существованію, она была устроена Минихомъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Двѣнадцать лѣтъ инженерная часть, оставаясь подъ вліяніемъ Миниха, была учрежденіемъ исключительно военнымъ, отрѣшеннымъ отъ всѣхъ хозяйственныхъ обязанностей, и вся власть надъ нею сосредоточивалась въ лицѣ генераль-директора. Но, въ то же время, Минихъ сдѣлалъ распоряженіе, послѣдствій котораго, безъ сомнѣнія, не предвидѣлъ, но которое было начальною причиною совершеннаго уклоненія устройства инженерной части отъ прежняго направленія. Именно, въ 1734 году, уѣзжая въ Польшу, Минихъ передалъ часть своей власти Инженерной конторѣ—учрежденію хозяйственному. Это была первая уступка, первое сочетаніе военного начала съ хозяйственнымъ, первый шагъ къ передачѣ распорядительной власти хозяйственному учрежденію. Конечно, въ то время, это имѣло основаніе, потому что собственно контора составляла только исполнительный механизмъ, а дѣйствіями ея распоряжалось присутствіе, состоявшее изъ инженеровъ, слѣдовательно принадлежавшихъ корпусу и раздѣлявшихъ его мнѣнія и интересы. Но дѣло въ томъ, что впослѣдствіи составъ и значеніе конторы измѣнились, а власть, оставаясь за нею, увеличивалась, и слѣдствія этого распоряженія, проявившись окончательно только черезъ 63 года, до сихъ поръ тяготеютъ надъ Корпусомъ Военныхъ Инженеровъ.

«Послѣ Миниха, въ продолженіе 59 лѣтъ, инженерною частью управляли лица, не принимавшія въ ней живаго участія (**). Это были вельможи, дѣйствовавшіе по своему усмотрѣнію и почти безотчетно. Въ кругѣ дѣйствій каждаго изъ нихъ, инженерная часть составляла предметъ наименѣе важный, а потому, кромѣ графа Шувалова, повидимому, никто не обращалъ на нее вниманія и не считалъ необходимымъ ни изучать ее, ни измѣнять по-

(*) Генераль-маіоръ де-Кулонъ, перешедшій въ нашу службу изъ французской, капитаномъ, въ 1712 г., былъ составителемъ перваго у насъ, въ Россіи, проекта устройства инженерной части и управленія ею.

(**) Преемниками Миниха, въ званіи генераль-директора фортификаціи, были: ландграфъ Леопольдъ Гессенъ-Гомбургскій (до 1747 г.), князь Василій Никитичъ Репнинъ—до 1756 года, а съ 1756 года—графъ Шуваловъ.

становленія, относящіяся къ ней, сообразно измѣнившимся размѣрамъ и потребностямъ самаго учрежденія. Иначе, какъ объяснить, что даже графъ Шуваловъ, имѣвшій столько вліянія, что старыя артиллерійскія орудія могъ перечеканить въ монету и нѣсколько разъ измѣнялъ ее достоинство, — возстановивъ инженерную часть, не облекъ въ форму закона составленный при немъ регламентъ для управленія ею, — регламентъ, полнѣе котораго у насъ не было органическаго постановленія ни прежде, ни послѣ. Вообще, только личности Миниха и Шувалова рисуются ярко въ туманѣ этого управленія: они одни сознавали потребность органическихъ постановленій, а всѣ остальные довольствовались собственными, частными распоряженіями, которыя силою обстоятельствъ пріобрѣтали значеніе постановленій и составляли правила, по которымъ управлялась инженерная часть.»

«Съ другой стороны, въ теченіе этого времени, Инженерная контора, превратившись въ канцелярію главной артиллеріи и фортификаціи и потомъ въ артиллерійскую экспедицію Военной Коллегіи, постепенно раздвигала кругъ своихъ дѣйствій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе и болѣе усвоивала власть, принадлежавшую прежде генераль-директору.»

«Слѣдствіемъ такихъ покушеній, съ одной стороны, и постоянной, непрерывной дѣятельности — съ другой, было то, что, къ концу столѣтія, инженеры, изъ военнаго сословія, въ главѣ котораго стоялъ прежде генераль-директоръ, обратились въ строителей, подчиненныхъ экспедиціи и дѣятельность которыхъ эта экспедиція направляла преимущественно на употребленіе суммъ. Значеніе военнаго инженера уже не отличалось больше отъ значенія строителя зданій и даже уступило послѣднему свое первенство. Генераль-директоръ существовалъ только по имени, а значеніе его было совершенно утрачено, такъ что, когда, въ 1802 году, при отдѣленіи инженерной экспедиціи отъ артиллерійской, вмѣсто генераль-директора и генераль-инженера, учрежденъ былъ инженерный инспекторъ, то значеніе его опредѣлилось не на основаніяхъ, положенныхъ Минихомъ и Шуваловымъ, а по соображенію со значеніемъ инспекторовъ войскъ вообще.»

«Таковъ былъ, въ XVIII вѣкѣ, исходъ управленія инженерною частію лицами, чуждыми ей по своему назначенію и по положенію въ обществѣ.»

Конечно, печатаніе матеріаловъ для исторіи инженерной части

въ Россіи будетъ пріобрѣтать все большій интересъ, по мѣрѣ того, какъ стануть появляться матеріалы, относящіяся до ближайшихъ къ намъ эпохъ. Но и въ появившихся до сихъ поръ матеріалахъ есть весьма много интересныхъ свѣдѣній: такъ, нельзя не остановиться на мѣрахъ, которыя были приняты графомъ Шуваловымъ для развитія ученыхъ занятій между инженерами и объ особенной введенной имъ методѣ производства, не въ очередь, въ чины. Вотъ что по этому предмету читаемъ мы въ «Матеріалахъ для исторіи инженерной части въ Россіи»:

«Графъ Шуваловъ, въ видахъ развитія и поощренія ученыхъ занятій, установилъ, съ 1756 года, чтобы, по окончаніи лѣтнихъ работъ въ каждой крѣпости, старшій инженеръ приглашалъ къ себѣ, одинъ или два раза въ мѣсяцъ, всѣхъ оберъ-офицеровъ, кондукторовъ и минерныхъ сержантовъ, бесѣдовалъ бы съ ними о наукахъ и задавалъ бы каждому вопросы, письменныя рѣшенія которыхъ долженъ былъ представлять окружному командиру. За успѣшное занятіе науками было положено производить, не въ очередь, въ чины; но при этомъ въ приказѣ подробно упоминалось, за что именно награжденъ произведенный, а каждому изъ обойденныхъ предоставлялось право протестовать и требовать ученаго состязанія съ произведеннымъ. Состязаніе назначалось въ присутствіи особой комиссіи изъ инженерныхъ штабъ-офицеровъ. Соперники, по очереди, предлагали другъ другу вопросы и отвѣчали на нихъ изустно. Комиссія оставалась нѣмымъ слушателемъ этого пренія и была обязана отдавать предпочтеніе не быстротѣ и остроумію отвѣтовъ, но основательности и замысловатости вопросовъ. Рѣшеніе ея постановлялось по большинству голосовъ; на него не было апелляціи, и, по приговору комиссіи, обойденный, но съ честью выдержавшій состязаніе офицеръ могъ быть также произведенъ въ слѣдующій чинъ.»

«Къ сожалѣнію, не встрѣчается ни одной хроники, изъ которой можно было бы заключить, имѣло ли это распоряженіе послѣдствія и какія именно.»

Въ неофициальномъ отдѣлѣ разсматриваемыхъ нами нумеровъ «Инженернаго Журнала», къ статьямъ, наименѣе носящимъ характеръ специальности, слѣдуетъ отнести: въ № 5—«Мнѣнія сэра Джона Фокса Бургойна о военномъ дѣлѣ» (съ англійскаго), К.

Хлѣбникова, и въ № 6—«О полемикѣ въ спеціальной журналистикѣ», Безъимяннаго.

Первая изъ этихъ статей состоитъ изъ перевода двухъ мемуаровъ, заимствованныхъ изъ изданнаго, въ 1859 году, въ Лондонѣ, собранія мнѣній сэра Джона Бургойна, одного изъ замѣчательнѣйшихъ англійскихъ инженеровъ. Переведеннымъ статьямъ предпослано небольшое предисловіе со стороны переводчика, изъ котораго читатель можетъ нѣсколько ознакомиться съ самою личностію генерала Бургойна и съ содержаніемъ изданнаго собранія его мнѣній. Отсюда мы узнаемъ, что «сэръ Джонъ, послѣ Вобана, участвовалъ болѣе, чѣмъ кто либо, въ осадахъ крѣпостей и, по своей опытности въ военно-инженерномъ дѣлѣ, вполне заслуживаетъ быть главою современныхъ европейскихъ инженеровъ. Человѣкъ этотъ перебивалъ во всѣхъ концахъ свѣта: и въ Средиземномъ морѣ, и въ Америкѣ, и въ Швеціи, и въ Австраліи, былъ при всѣхъ осадахъ крѣпостей въ Испанскую войну, а при лордѣ Рагланѣ распоряжался осадными работами подъ Севастополемъ».

Очевидно, что, при такомъ блестящемъ прошедшемъ, мнѣнія генерала Бургойна о военномъ дѣлѣ должны представлять большой интересъ и даже могутъ быть поучительны, преимущественно же для инженеровъ. И, дѣйствительно, то же можно заключить и изъ одного уже оглавленія трехъ отдѣловъ, на которое дѣлится собраніе мнѣній сэра Джона Бургойна. Отдѣлы эти слѣдующіе: «въ первомъ изложены мысли генерала Бургойна о средствахъ обороны Великобританіи противъ Франціи; во второмъ—мнѣнія его о минувшей войнѣ въ Балтійскомъ морѣ и въ Крыму, а въ третьемъ находятся мемуары и статьи сэра Джона, относящіяся большею частію къ осадѣ крѣпостей, писанные имъ во время Испанской войны». Казалось бы, что собственно для русскихъ инженеровъ второй и третій отдѣлы могли бы представить наиболѣе интереса; но г. К. Хлѣбниковъ избралъ для своего перевода второй отдѣлъ, находя, что «два мемуара сэра Джона Бургойна относительно средствъ Англій для обороны противъ Франціи особенно интересны, хорошо знакомя читателя съ организаціей военныхъ силъ страны». Но если принять во вниманіе, что одинъ изъ этихъ мемуаровъ писанъ въ концѣ 1846 года, а другой—въ 1850 году, и что съ тѣхъ поръ Англія сдѣлала весьма много уже для улучшенія своихъ вооруженныхъ силъ, то врядъ ли можно согласиться съ предположеніемъ г. К.

Хлѣбникова, и скорѣе даже можно признать, что переведенные имъ мемуары вовсе не представляютъ, въ настоящее время, живаго, современнаго характера. Въ подтвержденіе того, достаточно, намъ кажется, привести то, что сэръ Бургойнъ всю надежду, при защитѣ Англіи отъ непріятельскаго вторженія, возлагаетъ лишь на линейныя войска, отзываясь постоянно съ пренебреженіемъ о волонтерахъ. Такъ онъ говоритъ: «Что же касается до сотни тысячъ британскихъ храбрецовъ, которые, по общепринятому мнѣнію, возстанутъ на защиту своего отечества, то такіе герои разлетятся какъ мякина подъ вѣтромъ, при встрѣчѣ съ десятою противъ нихъ долею французскихъ солдатъ. Да не сочтутъ это за какой либо упрекъ нашимъ соотечественникамъ, потому что также извѣстно изъ опыта, что наши солдаты въ состояніи одержать верхъ надъ какимъ угодно числомъ не дисциплинированнаго войска. Къ тому же, какимъ образомъ народъ, поднявшійся на защиту отечества, будетъ вооруженъ, экипированъ или даже двинуть съ мѣста? Считать такое неустроенное ополченіе за что нибудь полезное была бы большая ошибка».

Извѣстно, однакожь, что, несмотря на это предостереженіе, въ настоящее время, Англія всю надежду возлагаетъ на своихъ волонтеровъ и сѣумѣла устранить нѣкоторыя неудобства ихъ, выставляемья генераломъ Бургойномъ.

Намъ кажется, что для русскихъ читателей, и особенно для инженеровъ, было бы гораздо интереснѣе узнать поближе мнѣніе знаменитаго англійскаго инженера, напимѣръ, хоть о минувшей войнѣ въ Балтійскомъ морѣ и въ Крыму, чѣмъ знать отсталое уже, въ настоящее время, мнѣніе генерала Бургойна о средствахъ обороны Великобританіи противъ Франціи. Впрочемъ, быть можетъ, что настоящая статья есть только первый опытъ и что, ознакомивъ русскихъ инженеровъ съ наименѣе интересною для нихъ частію мнѣній сэра Джона, г. К. Хлѣбниковъ не замедлитъ ознакомить ихъ и съ болѣе интересными отдѣлами.

Что же касается до второй статьи: «О полемикѣ въ спеціальной журналистикѣ», Безъимяннаго, то весьма пріятно встрѣчать статьи съ подобнымъ направленіемъ и съ такими прекрасными намѣреніями. Авторъ статьи доказываетъ первоначально, что полемика въ отношеніи чисто литературныхъ произведеній не имѣетъ большаго вліянія на общественное мнѣніе и что, напротивъ, въ спеціальной журналистикѣ, она можетъ и должна су-

ществовать, и—мало того—она здѣсь имѣетъ большое значеніе и можетъ быть полезною. Но для того, чтобы быть дѣйствительно полезною, полемика въ спеціальной журналистикѣ должна основываться на рациональныхъ началахъ, т. е., не впадая въ пустословіе, должна трактовать лишь о дѣлѣ. Таковы собственно главныя положенія статьи «О полемикѣ». Авторъ прямо говоритъ:

«Мы желаемъ полемики, но такой, гдѣ бы говорилось о дѣлѣ, не увлекаясь, безъ задѣванія личностей. Наконецъ, вполне сознавая, какъ легко увлечься, радуя за свои идеи, мы допускаемъ и увлеченіе, крайности, ложные взгляды, но все-таки не уклоняясь отъ сущности вопроса.»

Подобный взглядъ вполне рационаленъ; но извѣстно, что между словомъ и дѣломъ—большая разница, и эту истину какъ нельзя лучше доказываетъ намъ самая же статья г. Безъимяннаго. Рядомъ съ этимъ опредѣленіемъ истинной полемики, гдѣ допускаются и увлеченіе, и крайности, и даже ложные взгляды, г. Безъимянный, очевидно принявъ на себя защиту г. Я. К. противъ замѣтки г. К. Ш., помѣщенной въ № 9 «Военнаго Сборника», считаетъ послѣднюю замѣтку «не только не извинительною, но и не понятною». Осмѣливаемся спросить г. Безъимяннаго, отчего же она *не извинительна и не понятна*? Въ ней, можетъ быть, есть доля увлеченія, крайности, но, тѣмъ не менѣе, она не уклоняется отъ сущности вопроса, который, по нашему мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы доказать мысль г. К. Ш., что «Военный Сборникъ» есть единственный журналъ, знакомящій нашу армію съ движеніемъ военнаго искусства»,—мысль, которую г. Я. К. прямо, безъ всякихъ доказательствъ, назвалъ несправедливою. Большая часть замѣтки г. К. Ш. посвящена именно на доказательство этой мысли, при чемъ, конечно, отозвалось отчасти также и оскорбленное авторское самолюбіе, и нѣкоторое увлеченіе, что, какъ кажется, допускаетъ въ полемикѣ и самъ г. Безъимянный. А что г. К. Ш. былъ вправдѣ дѣйствительно возстать на голословное рѣшеніе г. Я. К., въ этомъ ссылаемся вполне на всѣхъ читателей «Военнаго Сборника», который имѣетъ постоянною цѣлью своихъ стремленій—знакомство нашей арміи съ движеніемъ военнаго искусства. Съ какимъ же успѣхомъ онъ достигаетъ этой цѣли или же вовсе упускаетъ ее изъ вида, объ этомъ онъ не можетъ и не долженъ самъ судить, но, въ то же

время, не можетъ пропустить безъ вниманія и того, если о немъ дурно отзываются, безъ всякихъ на то доказательствъ. Здѣсь на журналъ или на его редакцію надо смотрѣть какъ на всякое частное лицо: если оно само станетъ хвалить себя, выставлять свои нѣтъ не замѣчасмыя достоинства, то конечно, этому никто не повѣритъ и, напротивъ того, всѣ найдутъ это смѣшнымъ и даже неприличнымъ. Но мы полагаемъ, что никто не найдетъ непристойнымъ, если это же самое лицо потребуетъ объясненій отъ человѣка, выбравшаго его бездоказательно? Такимъ образомъ при всякаго рода обвиненіяхъ—а на полемику надо смотрѣть именно какъ на актъ обвинительный—прежде всего нужны доказательства, самыя точныя, положительныя, безъ которыхъ всегда полемика обратится, по выраженію г. Безъимяннаго, въ пѣтушиный бой, отъ котораго дѣлу не только не будетъ пользы, но даже и произойдетъ прямой вредъ. Объ этой—то необходимости въ серьезной полемикѣ точныхъ и ясныхъ доказательствъ нигдѣ не упоминаеть, въ своей статьѣ, г. Безъимянный и, какъ надо полагать, должно быть, и не придастъ имъ большой важности, потому что самъ же, затронувъ вопросъ о достоинствахъ «Военнаго Сборника», ссылается на совершенно голословную и бездоказательную оцѣнку нашего журнала. Намъ кажется, что, при самомъ полнѣйшемъ уваженіи нашемъ къ генералъ-адъютанту графу Сумарокову, мы не обязаны, однако, принимать его бездоказательныя выраженія за непреложную истину, чего, конечно, не захотѣлъ бы и самъ графъ.

Пусть явится полный и точный разборъ дѣятельности «Военнаго Сборника», написанный съ доказательствами, безъ желчи, безъ личностей, и, конечно, редакція будетъ всегда благодарна за подобный разборъ ея журнала; но, съ другой стороны, она всегда будетъ возражать и находить неумѣстными всякія бездоказательно направленные противъ нея выходки.

Въ заключеніе о статьѣ г. Безъимяннаго, скажемъ, что, съ своей стороны, мы отъ души желаемъ точно такой же полемики, какой желаетъ и онъ, но съ тѣмъ добавленіемъ, чтобы всегда говорилось о дѣлѣ не иначе, какъ опираясь на возможно болѣе точныя и ясныя доказательства, и чтобы спорящіе менѣе увлекались мелочами, а болѣе обращали вниманія на самую сущность дѣла. А то часто критикъ не замѣтитъ главной мысли автора, ухватится за что либо постороннее и начинаетъ дѣлать разные

выводы, а тамъ и авторъ, задѣтый за самолюбіе, станетъ возражать, и пошла потѣха!

Оканчивая обзоръ «Инженернаго Журнала» за 1860 годъ, нельзя не указать на прекрасную мысль его редакціи, осуществленную приложеніемъ къ № 6 журнала—«Общаго указателя статей, помѣщенныхъ въ «Инженерныхъ Запискахъ», съ начала изданія, въ 1826, до прекращенія его въ 1856 году. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что указатель этотъ послужитъ весьма важнымъ пособіемъ для всѣхъ тѣхъ, кому встрѣтится надобность имѣть дѣло съ «Инженерными Записками», заключающими въ себѣ большую часть нашей литературы по инженерной части за тридцатилѣтній періодъ времени.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ СОЛДАТЪ 1860 года, книжки 3, 4, 5 и 6.

СОЛДАТСКАЯ БЕСѢДА 1860 года, №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6.

НАРОДНОЕ ЧТЕНІЕ 1860 года, №№ 3, 4, 5 и 6.

Съ постоянно увеличивающимися успѣхами грамотности между нашими простолюдинами и особенно между солдатами, является все болѣе и болѣе настоятельная надобность въ книгахъ и журналахъ для этого новаго класса читателей. Но составленіе и изданіе подобныхъ книгъ, вполне соответствующихъ понятіямъ и степени развитія тѣхъ читателей, для которыхъ онѣ предназначаются, дѣло весьма трудное, а потому и не удивительно, что не только наша, но и вообще всѣ литературы, обыкновенно, бываютъ очень бѣдны подобнымъ отдѣломъ сочиненій. А, между тѣмъ, отвсюду слышатся уже запросы о доставленіи книгъ для чтенія солдатъ. Такъ и редакція «Военнаго Сборника» получила уже нѣсколько писемъ изъ арміи, въ которыхъ просятъ ее указать на тѣ книги, статьи и журналы, которыя могли бы доставить полезное и пріятное чтеніе для солдатъ; при этомъ нѣкоторые просятъ даже на указаніе, въ ряду этихъ статей, тѣхъ, которыя могли бы служить для чтенія менѣе развитыхъ солдатъ, и особо—тѣхъ, которыя можно было бы давать читать уже болѣе развитымъ ученикамъ полковыхъ школъ. Желая, сколь возможно добросовѣстнѣе и полнѣе исполнить это чрезвычайно важное порученіе, редакція надѣется, въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ «Военнаго Сборника», помѣстить возможно полнѣйшій очеркъ всей нашей литературы для простаго народа и преимущественно для солдатъ. Теперь же мы ограничимся только тѣмъ, что ука-

жемъ на подлежащія нашему разсмотрѣнію два солдатскіе и одинъ народный журналъ, какъ на изданія, которыя представляютъ весьма обильный, разнообразный и поучительный запасъ чтенія для простаго народа и для солдатъ. Эти три журнала, издающіеся уже не первый годъ, весьма естественно, имѣли же время прислушаться къ общественному о нихъ мнѣнію, узнать дѣйствительныя потребности своихъ читателей и, сообразно съ этимъ, могли уже измѣниться къ лучшему, постоянно совершенствуя свои изданія. Въ особенности нельзя не замѣтить этого относительно «Чтенія для Солдатъ», которое, въ послѣднее время, значительно улучшилось. Конечно, есть въ немъ и теперь еще многіе недостатки, на которые и постараемся безпристрастно указать редакціи этого журнала.

Направленіе «Чтенія для Солдатъ» весьма рѣзко отличается отъ направленія какъ «Солдатской Бесѣды», такъ и «Народнаго Чтенія». Стоитъ просмотрѣть нѣсколько нумеровъ «Чтенія для Солдатъ», чтобы убѣдиться вполне, что редакція этого журнала поставила себѣ главною задачею дѣйствовать на нравственную сторону солдата путемъ религіозныхъ наставленій, духовныхъ увѣщаній и выставленіемъ на первый планъ примѣровъ истинно христіанскихъ добродѣтелей. Исполненію этой задачи преимущественно посвящается первый отдѣлъ каждой книжки «Чтенія для Солдатъ». Въ этомъ отдѣлѣ было помѣщено множество статей, объясняющихъ смыслъ и значеніе разныхъ религіозныхъ обрядовъ и молитвъ, — статей, преимущественно написанныхъ лицами духовнаго званія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, при извѣстной религіозности нашего простолюдина, подобное чтеніе можетъ представить одно изъ самыхъ лучшихъ занятій для нашего солдата. Но извѣстно, что во всемъ, что бы то ни было, крайности всегда бываютъ нехороши и часто даже вовсе не приносятъ той пользы, какой отъ нихъ ожидаютъ. Такъ и съ «Чтеніемъ для Солдатъ». Не ограничиваясь однимъ изложеніемъ сущности и значенія догматовъ православія, редакція стала усиливаться проводить то же религіозно-нравственное направленіе и черезъ прочіе отдѣлы своего журнала. Вслѣдствіе того, въ немъ стали появляться разнаго рода фантастическіе рассказы, совершенно не согласные съ тѣмъ, что дѣйствительно дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Въ этихъ рассказахъ, постоянно добро награждается, а зло наказывается. Конечно, такіе раз-

сказы въ высшей степени нравственны, поучительны, но только въ теоріи; на дѣлѣ же они, вовсе не согласуясь съ дѣйствительною жизнью, возбуждаютъ только сомнѣніе и недовѣріе въ читателѣ: какъ бы ни былъ простъ нашъ солдатъ, но все жъ таки онъ очень хорошо понимаетъ, что многое на свѣтѣ дѣлается вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало, что часто, и даже очень часто, зло, по крайней мѣрѣ, на глазахъ у людей, остается безнаказаннымъ, а добро, вмѣсто награды, подвергается преслѣдованіямъ. Зачѣмъ же печатнымъ словомъ, въ которое еще безусловно вѣритъ начинающій учиться грамотѣ, разрушать это убѣжденіе? Нравственности его не удастся поднять этимъ средствомъ, потому что, даже дѣлая добро, въ немъ не будетъ полного убѣжденія въ необходимости дѣлать это такъ, а не иначе, а будетъ только страхъ, что если онъ не сдѣлаетъ добра, то на него обрушится наказаніе. А извѣстно, что страхъ проходить современемъ, опасеніе наказанія забывается передъ сильнымъ искушеніемъ, между тѣмъ, какъ, напротивъ, убѣжденіе въ необходимости дѣлать добро и избѣгать зла, если оно хорошо укоренилось въ сердцѣ человѣка, остается долговѣчнымъ и устоять всегда противъ самыхъ сильныхъ искушеній. Поэтому-то намъ кажется, что направленіе, избранное «Солдатскою Бесѣдою» и «Народнымъ Читеніемъ», съ цѣлью дѣйствовать на нравственное развитіе простолюдина, гораздо вѣрнѣе и надежнѣе. Эти два журнала стараются внушить своимъ читателямъ чувства человѣчности, развить въ нихъ стремленіе къ добру и отвращеніе отъ зла, не потому только, что первое награждается, а второе наказывается, но собственно потому, что все хорошее должно быть свойственно человѣку и возбуждать его сочувствіе, а все дурное должно быть отвергаемо имъ. Подобныхъ результатовъ можно достигнуть лишь тогда, когда простолюдинъ сознаетъ свое собственное значеніе, когда онъ увидитъ, что и онъ не послѣдняя спица въ колесницѣ, и когда, слѣдовательно, въ немъ вполне пробудятся всѣ общечеловѣческія наклонности. Нашего простолюдина, и даже нашего солдата, многіе считаютъ за существа, единственно только наклонныя ко злу, въ которыхъ не можетъ и быть никакого стремленія къ добру и для которыхъ необходимы постоянныя помочи, разныя пугала и даже часто превращеніе этихъ пугалъ въ дѣйствительность. Но, кажется, ошибочность такого мнѣнія было бы излишне и

доказывать. Въ нашемъ простолюдинѣ есть очень много добрыхъ зачатковъ; да иначе и быть не можетъ: вѣдь онъ же созданъ подобно всѣмъ намъ, по образу и подобию Божиему, — но только неразвитость, необразованіе, постоянная жизнь въ бѣдности и нуждѣ да и много еще другихъ обстоятельствъ заглушаютъ въ немъ часто все доброе, затемняютъ самый разумъ его и дѣлаютъ наклоннымъ ко злу. На немъ какъ бы нарастаетъ какая-то внѣшняя кора, которая заглушаетъ все доброе и показываетъ его совершенно въ другомъ видѣ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности. Вотъ эту-то внѣшнюю кору, обезображивающую нашего простолюдина, и должна разбить современная простонародная литература, для того, чтобы прежде всего показать нашего простолюдина самому себѣ, чтобы онъ имѣлъ возможность спознать въ самомъ себѣ силу, достаточную для противодѣйствія, на будущее время, всякимъ новымъ наростамъ зла.

Конечно, и въ рассказахъ, встрѣчаемыхъ въ «Народномъ Читеніи» и въ «Солдатской Бесѣдѣ», дурные поступки ранѣе или позже наказываются, но наказываются какъ-то не такъ строго, не такъ круто, какъ въ «Чтеніи для Солдатъ». Возьмемъ, для примѣра, изъ послѣдняго журнала одну изъ лучшихъ его статей: «Отольются волку овечьи слезки», г. Ма—ева. Здѣсь дѣло въ томъ, что молодой, разгульной парень соблазнилъ чужую невѣсту Дуню, обѣщавъ на ней жениться, потомъ бросилъ ее, и Дуня съ горя помѣшалась, а парень въ послѣдствіи времени, за какія-то недобрыя дѣла, былъ посаженъ сперва въ острогъ, а потомъ и сосланъ въ Сибирь на поселеніе. На это наказаніе прямо указывается, какъ на наказаніе, ниспосланное на него Богомъ за безпутную жизнь его. Конечно, за безпутную-то жизнь его и слѣдовало бы наказать, но вѣдь, если разобрать хорошенько причины, почему онъ велъ такую безпутную жизнь, то, быть можетъ, не полное осужденіе, а состраданіе пробудилось бы въ нашей душѣ. Быть можетъ, своимъ первоначальнымъ воспитаніемъ, своею неразвитостію и мало ли чѣмъ еще парень этотъ былъ совершенно заранѣе подготовленъ къ такой безпутной жизни; быть можетъ, совершенно стороннія обстоятельства, совершенно противъ его воли, втянули его въ такую жизнь, и потомъ уже ни разу не явилась дружеская рука, чтобы вывести его изъ того оута, въ который онъ попалъ. За что же, при подобныхъ обстоятельствахъ, карать его такъ строго и такъ

неумолимо? Такой примѣръ, по нашему мнѣнію, далеко не можетъ оказать благотѣльнаго вліянія на нравственность простолюдина, а, напротивъ, можетъ довести его до отчаянія, до фатализма. Совершить невольный проступокъ, часто даже и значительный, всякій можетъ весьма легко, а тѣмъ легче еще необразованный простолюдинъ; но надежда на Божіе милосердіе, на снисходительность людскую всегда должна служить для падшаго человѣка немаловажнымъ пособіемъ къ исправленію. А спрашивается: какая надежда можетъ явиться, когда будутъ выставлять примѣры, подобные многимъ статьямъ «Чтенія для Солдатъ», каковы, напримѣръ «Клятвопреступленіе», «Все отъ Бога» и многія другія? Въ нихъ нѣтъ пощадъ провинившимся грѣшникамъ, нѣтъ имъ пути къ раскаянію, а прямо тотчасъ за преступленіемъ слѣдуетъ и наказаніе, хотя бы преступникомъ оказался и бывшій честнымъ и хорошимъ до того времени человѣкъ. Такъ, напримѣръ, въ разсказѣ «Все отъ Бога», купецъ, бывшій извѣстнымъ своею честностію и добродушіемъ, отказался оказать вспоможеніе погорѣвшимъ жителямъ села Молокова,—и черезъ два дня собственный домъ его со всѣмъ имуществомъ сгорѣлъ; мало того: спасенные отъ пожара и вынесенные на площадь наиболѣе дорогіе товары и здѣсь были постигнуты несчастіемъ. «Но живущему на небесахъ и вѣну призирающему на землю» — говоритъ разсказчикъ, г. И. Васильевскій — *«должно быть, не было угодно взирать на эти предметы роскоши и суеты человѣческой: чрезъ нѣсколько часовъ отъ начала пожара полился сильный дождь и смочилъ всѣ спасенныя отъ огня дорогія ткани.»* Спрашивается: какую надежду на безконечное Божіе милосердіе выведетъ изъ этого заключенія простолюдинъ? Какое понятіе о Божіемъ милосердіи получить онъ, узнавъ изъ дальнѣйшихъ словъ г. И. Васильевскаго, что въ распоряженіи и власти безконечно премудраго и праведнаго Бога «состоятъ всѣ стихіи и явленія природы: громаы и молніи, жары и непогоды, пожары, засухи и моровыя язвы, и что отъ Его карающей десницы для слабаго человѣка нѣтъ нигдѣ спасенія»? Неужели жъ для того, чтобы показать простолюдину все величіе Всевышняго и все ничтожество предъ нимъ человѣка, необходимо нужно прибѣгать къ подобнымъ натяжкамъ, какія дѣлаетъ, въ своемъ разсказѣ, г. И. Васильевскій,

гдѣ за грѣхъ одного человѣка ниспосылается пожаръ, который истребляетъ около двадцати лучшихъ домовъ въ городѣ?

Нѣтъ, не такими погружающими лишь въ безнадежность разсказами можно поднять нравственную сторону нашего простолюдина. Въ немъ и безъ того глубоко вкоренилось религіозное чувство покорности къ несповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго Промысла, но вкоренилось безотчетно, всосалось съ материнскимъ молокомъ, но не понято, не разгадано имъ разумно. Къ этому-то и должны бы направляться всѣ стремленія простонародной литературы. Научите простолюдина видѣть во всѣхъ явленіяхъ природы, даже самыхъ малѣйшихъ, величіе Божіе, научите его любить все созданное Всевышнимъ и видѣть въ каждомъ, даже самомъ слабѣйшемъ, твореніи Божіемъ частицу безграничной Премудрости, и тогда онъ не будетъ нуждаться, для избѣжанія преступленій и зла, въ примѣрахъ, подобныхъ приводимымъ журналомъ «Чтеніе для Солдатъ».

Какая рѣзкая разница между этими разсказами и, напримѣръ, повѣстями г. А. Погоскаго, печатаемыми въ «Солдатской Бесѣдѣ»? Въ послѣднихъ мы видимъ, что зло тоже постоянно наказывается, но какъ-то естественнѣе, не громами и молніями, а угрызениями собственной совѣсти человѣка, которая преслѣдуетъ преступника неумолимо и невольно наводитъ его на путь раскаянія, заставляетъ одумываться и даетъ ему возможность исправиться. И, при всемъ этомъ, самый разсказъ ведется такъ естественно, такъ правдоподобно, что поневолѣ вѣришь автору, что онъ почерпнулъ содержаніе своего разсказа не изъ собственнаго воображенія, а взялъ его изъ вседневной, обыденной жизни. Что можетъ быть, напримѣръ, естественнѣе разсказа «Посестра Танька»? Здѣсь выведена передъ читателемъ деревенская дѣвушка, доведенная разными обстоятельствами до распутной жизни, которую она увлеклась до послѣднихъ крайностей; но въ сердцѣ ея много врожденной доброты, много хорошихъ сторонъ, и авторъ не даетъ ей погибнуть совершенно. Онъ заставляетъ ее переносить много испытаній, много горестей, выставляетъ всѣ угрызения ея совѣсти и наконецъ доводитъ до того, что честная рука отставнаго солдата, нѣкогда любившаго ее и простившаго ей великодушно всѣ ея прежніе промахи, вывелъ Татьяну изъ того омута, въ который она попала. И какъ много въ цѣломъ этомъ разсказѣ самыхъ драматическихъ, сердце раздираю-

щихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ высшей степени естественныхъ и поучительныхъ сценъ! Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ входить въ подробный разборъ этого разсказа; но мы не можемъ воздержаться, чтобы не привести изъ него нѣкоторые эпизоды, показывающіе въ авторѣ глубокое знаніе сердца человѣческаго. Что можетъ быть, напримѣръ, естественнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поразительнѣе слѣдующаго описанія угрызения совѣсти Татьяны, когда она, послѣ перваго шага къ распутству, вернулась домой.

«Прямо къ постели своей подошла Танька, уткнулась лицомъ въ подушку, — и полились рѣкой безполезныя слезы!... Облила она, смочила ими пухъ своей подушки дѣвичьей; стоны и рыданья спирались у нея въ горлѣ, отбивались горечью желчной; больно горѣли глаза, словно кровью плакали; надрывалась грудь, точно камень холодный всталъ поперекъ тамъ и не давалъдохнуть. И примнилось ей, что надъ самой головой ея рѣветъ и колыхается самъ *стыдъ*, грозный, безошадный, и молвить беззвучныя рѣчи:

«Я ль не лелѣялъ въ чистотѣ красоту твою дѣвичью? я ль не берегъ тебя отъ сглазу чернаго, отъ лихаго изуроченья!»

«Румянцемъ, алѣе зари небесной, окрывалъ я дѣтскій ликъ твой; темнѣе ночи темной—рѣсницами, заслонялъ отъ соблазна невинный взглядъ твой! и былъ насторожѣ, вѣрный, ни на шагъ неотступный, всегда и вездѣ съ тобой!...»

«Трепетала дѣвка, свою же лютую думу слушая, и каждое слово этой думы такъ и вшивалось въ ея памяти:

«Продала, пропила, прогнала ты меня, безстыжая... прощай же! Все будетъ у тебя безъ меня: и деньги, и радость, и забавы веселья, только не будетъ *стыда женскаго, чести дѣвичьей*, и имя тебѣ — *дрянь!*»

«Когда вошла съ надворья тетка, нашла она Таньку на полу, у кровати; лежала дѣвка безъ памяти.»

«Вишь сомлѣла, непривычная!» пробормотала баба, подняла и уложила ее на постель.»

«Какъ встрѣтила Танька, пробудившись, свѣтъ Божій, солнце ясное, разсказывать не станемъ. Есть у человѣка прирожденный страхъ потьмы ночной: дѣтскій это, глупый страхъ, и, пораздумавшись, смѣется надъ собой же въ темнотѣ оробѣвшій человѣкъ. Но если разъ испугалъ тебя свѣтъ Божій, если хоть на

мигъ утрапился ты яснаго солнца, то не отсиѣшься уже ничѣмъ, потому что это не дѣтскій страхъ, а трепеть преступленія: солнце глядитъ тебѣ въ глаза и хочетъ освѣтить твою черную душу—вотъ чего боишься и трепещешь ты! Пройдетъ въ тебѣ этотъ страхъ, какъ проходитъ все на свѣтѣ, но не забудешь ты его никогда: хоть во снѣ, а еще не разъ затрепещешь.»

«Танька испытала надъ собой этотъ трепеть: на другой день, только что пробудилась она, не только солнце, а каждая вещь, каждая былинка, освѣщенная солнцемъ, такъ, кажется, и глядѣла ей въ глаза, напоминала ей: *что* была она недавно и *чѣмъ* стала теперь.»

Здѣсь не ужасъ страшныхъ явленій природы, не страхъ грознаго наказанія пугаетъ Татьяну, а собственный ея внутренній голосъ, который безпрестанно укоряетъ ее въ ея паденіи. Будь къ ней, въ это время, протянута дружественная рука,—и она была бы спасена отъ распутства; но, къ сожалѣнію, этого не случилось, а обстоятельства, да и самые люди, вмѣсто того, чтобы спасти бѣдную грѣшницу, еще болѣе оттолкнули ее въ тотъ омутъ, изъ котораго ей трудно было выбраться; мало того, что не спасли ее, они же стали и осуждать ее больше всѣхъ. Только одинъ солдатъ-простачекъ, чувствовавшій вполнѣ превосходство ума Таньки надъ своимъ и любившій ее какъ сестру родную, хотя и не уважалъ ремесла посѣстры Таньки, но и не осуждалъ ее. «Да, пожалуй—говоритъ авторъ разсказа—не совсѣмъ-то неправъ былъ солдатъ: что ни говори богатѣи хозяева очень почтенные, но никому нельзя было слишкомъ строго осудить свихнувшуюся сироту. Не эти ли сами, богатѣи осуждающіе, проходили мимо убожества—мимо висѣвшей, какъ капля на листкѣ, лачуги нищей вдовы, только дивясь, какъ это она держится да въ обрывѣ не падаетъ? Не они ли, сытые и безбѣдные, глядѣли и какъ будто не понимали, что тутъ живутъ люди голодные и холодные, что, кромѣ Бога да слабыхъ рукъ голыхъ, никого и ничего у нихъ нѣтъ? Да не они ли же, наконецъ, позорно оттолкнули ничего не просящую дѣвушку, за то только, что она пригожа, какъ цвѣтокъ полевой, какъ свѣжая ягода?»

«Грѣхъ посѣстрѣ Танькѣ, большой грѣхъ! слова нѣтъ; ну да и никому же этотъ грѣхъ не во спасенье!»

«Не на то тебѣ, богачъ гордый, Богъ добро даетъ, чтобы

забылъ ты всѣ потребности бѣдности. Не на то тебя люди уважаютъ, чтобы ты ахалъ да головой качалъ надъ безпутствомъ чужимъ, тобой на путь не постановленнымъ, а иногда тобою же и съ пути сбитымъ. Не пришлось бы тебѣ, богатѣй, каждый грѣхъ бѣдняка ближняго пополамъ съ нимъ на себя дѣлить!...

«Много васъ, люди заможные! Безъ числа насъ, братцы, люди сытые,—а и нѣтъ какъ нѣтъ промежъ насъ сиротѣ горькой проходу безобиднаго. Что жъ тутъ толковать о честной помощи: ужъ куда намъ людей спасать — хоть бы не топили-то тонущихъ!»

Желая содѣйствовать нравственному возрожденію своихъ читателей, простонародные и солдатскіе журналы должны стараться также о возможно большемъ ознакомленіи ихъ съ окружающею ихъ природою и о наученіи ихъ всему тому, что надлежитъ знать человѣку въ ихъ положеніи. На это, дѣйствительно, и обращено вниманіе преимущественно «Чтенія для Солдатъ» и «Народнаго Чтенія». Что же касается до «Солдатской Бесѣды», то этимъ журналомъ сдѣланы были только нѣкоторыя попытки для ознакомленія своихъ читателей съ природою, а именно: помѣщенъ въ № 3 только одинъ рассказъ «Изъ Природы», въ которомъ разсмотрѣна вода во всѣхъ ея видахъ. Въ первыхъ же двухъ журналахъ очень много статей, имѣющихъ цѣлью распространеніе полезныхъ познаній между читателями этихъ журналовъ. Такъ, въ разсматриваемыхъ нами нумерахъ «Народнаго Чтенія», помѣщены слѣдующія весьма интересныя и поучительныя для простолюдина статьи: «О дождѣ, росѣ, снѣгѣ и прочихъ водяныхъ падахъ и метеорахъ», Т. Дымчевича; «Русская печь и сушка въ ней разныхъ предметовъ», М. Киттары; «Какъ должно обращаться съ животными», Д. Соколова; «Охраненіе полезныхъ животныхъ», того же автора, и многія другія. Въ томъ же журналѣ помѣщенъ рядъ весьма любопытныхъ статей: «Азія и Сибирь», А. Павловскаго, «Исторія чешскаго народа», А. Гильфердинга, одинъ рассказъ изъ русской исторіи, И. Бѣляева, и очень занимательно и живо составленныя біографіи Ломоносова и знаменитаго механика-самоучки Кулибина. Но за что читатели «Народнаго Чтенія», безъ всякаго сомнѣнія, скажутъ особенное спасибо редакціи этого журнала, это за отдѣлъ, заключающій въ себѣ правительственныя распоряженія, и особенно за нѣсколько статей, знакомящихъ съ самыми просты-

ми средствами леченія разнаго домашняго скота, а также и нѣкоторыхъ человѣческихъ болѣзней, какъ-то: костоѣда и лихорадки. Въ отдѣлѣ, заключающемъ въ себѣ правительственныя распоряженія, редакція приняла на себя обязанность знакомить своихъ читателей не только съ современнымъ состоянiемъ законоположенiй по разнымъ частямъ правительственной администраціи, но съ историческимъ развитiемъ различныхъ положенiй и учреждений. Такъ, въ разсматриваемыхъ нами нумерахъ, между прочимъ, особенно замѣчательны очеркъ современнаго состоянiя положенiй, относящихся до лѣсной части, краткій очеркъ существующихъ у насъ паспортныхъ постановленiй и обзоръ состоянiя податей въ древней Россiи и въ настоящее время.

Изъ числа статей журнала «Чтенiя для Солдатъ», имѣющихъ цѣлью распространить кругъ познанiй нашего солдата, можно указать на слѣдующія:

«О способѣ добыванiя селитры», статья очень недурная и полезная. «Разговоръ артиллерійскаго солдата съ пѣхотнымъ объ артиллерiи»,—статья, одобренная артиллерійскимъ начальствомъ и признанная полезною для чтенiя нижнихъ чиновъ артиллерiи, но кажущаяся намъ слишкомъ мудреною для простаго, пѣхотнаго солдата. Затѣмъ, въ книжкѣ пятой, помѣщена большая статья: «Странствователь по Финляндiи», конечно, не лишенная интереса по своему содержанiю, но изложенная крайне сухо, а часто даже и не совсѣмъ ясно. Статья эта, очевидно, попала случайно въ военный журналъ: иначе, нѣтъ никакого сомнѣнiя, что авторъ ея, имѣя въ виду специальность тѣхъ читателей, для которыхъ статья предназначалась, позаботился бы нѣсколько рѣзче очертить военное значенiе, въ настоящемъ и въ прошедшемъ, Финляндiи, а также поближе ознакомить съ совершенно чуждымъ для русскаго солдата способомъ комплектованiя Финскаго стрѣлковаго баталiона, посредствомъ вербовки, и съ устройствомъ финскихъ поселенныхъ стрѣлковыхъ баталiоновъ. А то, вотъ что мы находимъ въ этой статьѣ, подъ рубриками: «о воинственномъ характерѣ Финновъ», «какъ Финны поступаютъ въ военную службу»:

«Финляндцы, что называется, славные служаки; въ нашей арміи коренные Финляндцы всѣ достойные и примѣрные офицеры. Финскій стрѣлковый баталiонъ состоитъ весь изъ Финляндцевъ и отличается примѣрно точнымъ исполненiемъ служеб-

ныхъ обязанностей. Фронтъ этого баталіона весьма красивъ. Баталіонъ расположенъ въ Гельсингфорсѣ, а лѣтомъ уходитъ въ лагерь, вмѣстѣ съ нашею гвардією. Нижніе чины вербуются изъ Шведовъ и Финновъ. Всѣ они красавцы на подборъ. Въ послѣднюю польскую кампанію, баталіонъ этотъ оказалъ чудеса храбрости и возвратился въ свое отечество, покрытый славою. Война это доказала, что Финляндцы такъ же преданы русскому престолу, какъ храбры и неустрашимы. Финны въ жаркихъ стычкахъ съ непріателемъ хладнокровны, въ какой бы опасности они ни находились.

— «Какъ у васъ вербуютъ въ солдаты? спросилъ я одного офицера, природнаго Финляндца.

— «У насъ каждый Финнъ идетъ въ солдаты охотно, даже радуется, когда выпадетъ ему жребій стать въ ряды храбраго гвардейскаго Финскаго стрѣлковаго баталіона или поступить въ морской финскій экипажъ.

«Причины тому понятны, ибо бѣдный земледѣлецъ не можетъ пользоваться тѣми выгодами жизни, какими онъ пользуется, поступивъ въ военную службу.»

Вотъ и все, что говорится въ статьѣ «Странствователь по Финляндіи», о воинственномъ характерѣ Финновъ и о томъ, какъ Финны поступаютъ въ военную службу. Говорится и о неустрашимости, храбрости Финляндцевъ, и о томъ, что фронтъ Финскаго стрѣлковаго баталіона весьма красивъ, но ни слова не сказано, напримѣръ, о томъ, что Финны славятся, какъ отличные стрѣлки, можно сказать, почти лучшіе во всей нашей арміи; ни слова не сказано о томъ, какую роль играли Финляндцы во время послѣдней войны, когда, какъ извѣстно, они всей массою своего населенія выразили свою преданность русскому престолу. Но, дѣлая столь значительный пропускъ и много еще другихъ, авторъ статьи не забываетъ перечислять всѣ, даже и весьма незначительные, города Финляндіи, не давая себѣ труда упоминать о нѣкоторыхъ изъ нихъ тѣ именно историческія событія, которыя могли бы быть наиболѣе интересны для русскаго солдата. Такъ, напримѣръ, о Свеаборгѣ, только и сказано, что «здѣсь гранитныя скалы обращены трудами рукъ человѣческихъ въ неприступныя крѣпостныя стѣны, которыя возвышаются одна надъ другою, и изъ бойницъ ихъ выглядываютъ громадныя размѣровъ пушки». Даже и не упомянуто, подходилъ ли, въ послѣднюю

войну, къ этимъ неприступнымъ твердынямъ непріятельскій флотъ, или нѣтъ!

Изъ статей историческаго содержанія, помѣщенныхъ въ разсматриваемыхъ нами номерахъ «Чтенія для Солдатъ», очень недурны «Полтавское сраженіе» и историческій рассказъ: «Любимецъ Петра Великаго», хотя въ послѣднемъ нельзя не замѣтить нѣкоторой растянутости въ началѣ и чрезвычайной сжатости въ концѣ. Мы полагаемъ, что рассказъ этотъ не окончится на одномъ возвышеніи Меньшикова до высшей степени могущества: эта часть исторіи любимца Петра Великаго только интересна, но послѣдующая его судьба поучительна, особенно во время его опалы, когда онъ переносилъ всѣ постигавшія его несчастія съ рѣдкою твердостью духа. Конечно, редація «Чтенія для Солдатъ» не замедлитъ познакомить своихъ читателей и съ этимъ вторымъ періодомъ замѣчательной судьбы Меньшикова.

Много еще чего хотѣлось бы намъ сказать о «Чтеніи для Солдатъ»; но и безъ того уже нашъ обзоръ выходитъ слишкомъ обширнымъ. Въ заключеніе, скажемъ только, что весьма жаль, что одинъ изъ самыхъ полезныхъ отдѣловъ этого журнала, именно «Солдатскій Собесѣдникъ», въ послѣднихъ номерахъ, явно сталъ терять прежнее свое назначеніе — знакомить солдатъ съ разнаго рода новыми постановленіями и распоряженіями правительства, а началъ наполняться разнаго рода анекдотами и бездѣлушками.

Точно также мы никакъ не можемъ понять и того, для чего помѣщаются въ «Чтеніи для Солдатъ» разныя театральныя пьесы, предназначаемыя особо для солдатскаго театра, а также и сказки въ родѣ «Крестный отецъ» и друг. Другое дѣло г. А. Погосскій помѣстилъ въ «Солдатской Бесѣдѣ» сказку — «Первый винокуръ»: эту сказку съ удовольствіемъ прочтетъ всякій, не одинъ только солдатъ.

Но, вообще говоря, надо отдать справедливость «Чтенію для Солдатъ», что, въ послѣднихъ своихъ книжкахъ за прошлый годъ, журналъ этотъ сталъ гораздо лучше первыхъ его номеровъ: въ немъ болѣе стало появляться статей, могущихъ дѣйствительно заинтересовать нашего солдата; онъ почти отказался отъ прежней своей формы изложенія статей въ видѣ разговоровъ. Дай Богъ только, чтобы не остановились на этомъ его улучшенія и чтобы, въ номерахъ его за нынѣшній годъ, мы могли встрѣтить еще

болѣе улучшеній и искреннихъ стараній редакціи приносить по-
сильную пользу нашему солдату.

Военно-Медицинскій Журналъ, №№ 5, 6, 7, 8, 9,
10, 11 и 12.

Въ послѣднее время, признано было вполне необходимымъ и полезнымъ, для успѣха разнаго рода специальностей, посылать отъ насъ за границу представителей разныхъ вѣдомствъ, какъ для личнаго ихъ усовершенствованія въ предметахъ ихъ специальности, такъ и для того, чтобы слѣдить за разнаго рода усовершенствованіями и открытіями за границею и переносить ихъ, по мѣрѣ возможности, на нашу почву. Такъ, постоянно отправляютъ за границу профессоровъ университетовъ и другихъ специальныхъ заведеній, а по военному вѣдомству—представителей почти всѣхъ специальныхъ родовъ войскъ. Между прочимъ, командировуются также хирурги и доктора отъ военно-медицинскаго вѣдомства, и, въ числѣ возлагаемыхъ на нихъ важныхъ обязанностей по посѣщенію лекцій лучшихъ заграничныхъ профессоровъ, вмѣнено имъ также въ обязанность ближайшее знакомство съ военно-медицинскою частию въ разныхъ государствахъ. Въ настоящее время, получены уже изъ-за границы отъ командированныхъ туда медиковъ отчеты объ ихъ занятіяхъ и нѣкоторыя статьи, заключающія въ себѣ результаты ихъ наблюдений. Статьи эти и отчеты, напечатанные въ подлежащихъ нашему разсмотрѣнію нумерахъ «Военно-Медицинскаго Журнала», представляютъ собою весьма много интереснаго, а потому на нихъ мы и сосредоточимъ преимущественное наше вниманіе, чтобы, пользуясь матеріалами, заключающимися въ этихъ статьяхъ, ознакомить нашихъ читателей съ современнымъ положеніемъ военно-медицинской части въ Пруссіи. При этомъ мы главнѣйше будемъ руководствоваться свѣдѣніями изъ слѣдующихъ трехъ статей: «О прусскихъ военныхъ учрежденіяхъ въ общественно-гигіеническомъ отношеніи», д-ра Нефтеля, помѣщенной въ № 10; «Военно-медицинская часть въ Пруссіи», д-ра Вильчковскаго (въ № 11), и статья д-ра Н. Евфанова: «Казармы и военный госпиталь въ Берлинѣ» (въ № 12). Кромѣ того, нѣкоторыя свѣдѣнія о военно-медицинской части въ Пруссіи и особенно прусскихъ госпиталяхъ заключаются въ помѣщенныхъ въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ» отчетахъ о занятіяхъ

за границею гг. докторовъ Минкевича, Варенухи, Ловцова и Вильчковскаго.

Изъ всѣхъ поименованныхъ статей особенное вниманіе наше обращаетъ на себя статья д-ра Нефтеля, такъ какъ въ ней весьма обстоятельно изложены главныя причины, почему смертность въ прусской арміи значительно менѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ арміяхъ. «Такъ — говоритъ авторъ — «во всемъ прусскомъ войскѣ, состоящемъ изъ 200,000 человекъ, умерло, въ послѣдней четверти 1859 года, 400 человекъ (въ томъ числѣ было: 15 самоубійцъ, 7 утонувшихъ и угорѣвшихъ и нѣсколько престарѣлыхъ инвалидовъ), что составляетъ 0,2%, или, за весь годъ, 0,8% (*). Если возьмемъ, наприѣръ, среднюю смертность въ прусской арміи за 1829—1838 г., равняющуюся 1,16%, или въ особенности смертность въ англійской и французской арміяхъ, гдѣ, въ мирное время и внутри государства, она составляетъ 1,5% и 1,9%, то можно назвать состояніе общественнаго здоровья въ прусской арміи весьма удовлетворительнымъ.»

Впрочемъ, такіе счастливые результаты относительно смертности въ прусской арміи можно лучше всего объяснить, какъ это и дѣлаетъ въ своей статьѣ д-ръ Вильчковскій, весьма строгимъ приемомъ на дѣйствительную службу. — «Пріемъ этотъ — говоритъ г. Вильчковскій — производится опытными по этой части, т. е. знакомыми съ трудами военной жизни и обладающими всѣми современными медицинскими свѣдѣніями и способами изслѣдованія, военными врачами, которые обязаны не принимать не только одержимыхъ расположеніемъ къ хроническимъ болѣзнямъ, особенно легкихъ и сердца, но даже слабосильныхъ. Кромѣ того, полковые врачи, съ согласія корпуснаго штабъ-доктора и корпуснаго командира, ежемѣсячно распускаютъ въ распущенные резервы и въ разные разряды инвалидовъ всѣхъ такихъ людей, у которыхъ оказались первые признаки хроническихъ грудныхъ и другихъ болѣзней, могущихъ усилиться отъ трудовъ военной жизни.»

Такъ, по свидѣтельству доктора же Вильчковскаго, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, съ 1 октября 1859 года по 1 января 1860, изъ одного гвардейскаго корпуса исключено неспособныхъ 453 человекъ. Конечно, что, при такомъ постоянномъ очищеніи

(*) Въ этой четверти года смертность была необыкновенно велика въ 1-мъ армейскомъ корпусѣ, гдѣ отъ одной холеры умерло 34 человекъ.

арміи отъ всѣхъ слабосильныхъ и не могущихъ переносить трудности военной жизни, состояніе здоровья въ арміи должно быть въ самомъ прекрасномъ положеніи. Но, сверхъ того, къ тому есть еще и многія другія причины, на которыхъ сосредоточиваетъ преимущественное свое вниманіе докторъ Нефтель. Причины эти, имѣющія столь счастливое вліяніе на уменьшеніе смертности въ прусской арміи, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Кратковременный срокъ службы, который, какъ извѣстно, въ Пруссіи продолжается три года, а для содержащихся на собственнѣйшій счетъ—одинъ годъ. Вотъ что говоритъ докторъ Нефтель о вліяніи этого обстоятельства на смертность солдатъ: «Въ продолженіе трехъ служебныхъ лѣтъ, солдатъ, несмотря на неустойчивые труды, еще не успѣваетъ физически переродиться до того худосочнаго состоянія, которое у нашихъ солдатъ такъ рѣзко выражено и въ пѣтѣ лица и въ нормальной худобѣ всего тѣла, а въ особенности въ томъ упорствѣ и злокачественности, которыми характеризуются почти всѣ ихъ болѣзни. Нашимъ военнымъ врачамъ извѣстно, какъ трудно бываетъ лечить, на примѣръ, простой поносъ у солдатъ и какъ легко онъ принимаетъ злокачественно-эпидемическій характеръ».

2) Отсутствіе тѣлесныхъ наказаній тоже благотворно дѣйствуетъ на уменьшеніе болѣзненности и смертности. «Вліяніе этихъ наказаній на войска — говоритъ докторъ Нефтель — самое гибельное не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Присутствуя, въ качествѣ врача, при наказаніяхъ нашихъ солдатъ шпицрутенами, я имѣлъ случай убѣдиться, какимъ сильно угнетающимъ и деморализующимъ образомъ это зрѣлище дѣйствуетъ на присутствующихъ и какъ непосредственно затѣмъ увеличивается число больныхъ въ командѣ; не говоримъ уже, что это наказаніе навсегда губитъ если не здоровье, то нравственность наказуемаго. Поэтому не удивительно, что старые наполеоновскіе солдаты часто лишали себя жизни, когда возобновлены были тѣлесныя наказанія при реставраціи. Во время послѣдняго похода 1-й гвардейской артиллерійской бригады, въ одной батареѣ, командиръ которой отличался кротостію и любовью къ своей командѣ, болѣзненность и смертность были значительно менѣе, чѣмъ въ другой, гдѣ командиръ былъ необыкновенно строгъ и наказывалъ своихъ солдатъ за малѣйшія ошибки. Наконецъ еще одинъ изъ батареинныхъ коман-

дировъ, занимавшій какъ бы средину между первыми двумя по степени своей строгости, имѣлъ всегда больныхъ больше, чѣмъ первый, но меньше, чѣмъ второй. Этотъ фактъ привожу я какъ очевидецъ, въ продолженіе почти двухлѣтняго похода наблюдавшій вліяніе тѣлесныхъ наказаній даже на ходъ эпидемическихъ болѣзней. Высшіе медицинскіе чиновники имѣютъ возможность дѣлать этого рода статистическія наблюденія въ большихъ размѣрахъ и тѣмъ объяснить фактъ, любопытный и въ психологическомъ и въ общественно-гигіеническомъ отношеніи.»

Конечно, поболѣе наблюденій въ этомъ родѣ, подтвержденныхъ, притомъ, точными указаніями на самые факты, безъ сомнѣнія, принесли бы огромную пользу.

3) Прекращеніе стѣснительнаго надзора надъ солдатами внѣ служебныхъ ихъ занятій. Прусскій солдатъ внѣ служебныхъ своихъ обязанностей совершенно свободенъ: онъ можетъ заниматься чѣмъ хочетъ, посѣщать общественныя мѣста, ѣздить въ экипажахъ и даже оставлять свои казармы безъ спрашиванія на то позволенія (развѣ, если кто пожелаетъ отлучиться на всю ночь или позднѣе 10 часовъ вечера). Приведемъ опять подлинныя слова г. Нефтеля о выгодахъ этого облегченія: «Какъ бы мало-важны ни показались эти привиллегіи, вліяніе ихъ на сохраненіе общественнаго здоровья войска огромно. У насъ солдатъ, выросшій на чистомъ деревенскомъ воздухѣ, привыкшій до самой возмужалости свободно располагать своимъ временемъ, вдругъ долженъ переимѣнить весь свой образъ жизни и постоянно быть подъ бдительнымъ надзоромъ, даже и тогда, когда онъ не находится въ душной атмосферѣ казармъ или на ученьи; онъ долженъ пить, ѣсть, совершать всѣ физиологическія отправленія *по командѣ*. Этого человѣческій организмъ не можетъ выдержать, въ чемъ легко убѣдиться, если сравнить нашего здороваго рекрута съ худосочнымъ солдатомъ, въ котораго онъ очень скоро превращается, или если сравнить солдатъ нѣкоторыхъ иностранныхъ державъ, въ особенности цвѣтущихъ здоровьемъ англійскихъ солдатъ и матросовъ, съ нашими. Само собою разумѣется, что отъ сильныхъ, здоровыхъ людей можно ожидать болѣе энергіи въ перенесеніи чрезмѣрныхъ трудовъ, чѣмъ отъ слабыхъ, истощенныхъ, которые могутъ только *храбро умирать*, исполняя долгъ свой.»

4) Введеніе вторичнаго оспопрививанія. Въ Пруссіи каждому

рекруту дѣлается вторичное оспопрививаніе, немедленно по вступленіи его на службу, и это имѣетъ весьма большое вліяніе на уменьшеніе смертности. Такъ, прежде умирало въ арміи болѣе 100 человѣкъ въ годъ отъ натуральной оспы, а со времени введенія вторичнаго оспопрививанія въ арміи число умиравшихъ отъ той же болѣзни не превышало трехъ человѣкъ въ годъ, а въ нѣкоторые годы и вовсе не было смертныхъ случаевъ отъ оспы.

5) Хорошее содержаніе солдата. По словамъ доктора Нефтеля, «прусскіе солдаты получаютъ жалованье, обеспечивающее ихъ необходимыя потребности и пищу, какъ количествомъ, такъ и качествомъ достаточную для поддержанія здоровья взрослого человѣка.»

6) Надлежащая военная администрація. Здѣсь авторъ, конечно, хочетъ показать, что прусскій солдатъ сполна и во время получаетъ все, что ему слѣдуетъ, потому что «чиновники Военнаго Министерства по части аудиторіатской, комиссаріатской и провіантской, и вообще всѣ, въ чьихъ рукахъ сосредоточена военная администрація, непремѣнно ученые специалисты, получившіе высшее образованіе въ университетахъ. Они обеспечены достаточнымъ содержаніемъ, и служебная ихъ добросовѣстность примѣрная во всѣхъ отношеніяхъ».

Затѣмъ докторъ Нефтель переходитъ къ разсмотрѣнію самой жизни прусскаго солдата, его содержанія и помѣщенія, одежды, обученія, обращенія съ нимъ начальниковъ. Здѣсь-то, обрисовывая самыми краткими, но рѣзкими чертами весь бытъ прусскаго солдата, авторъ дѣлаетъ нѣсколько чрезвычайно мѣткихъ замѣчаній, которыя были бы полезны и для нашихъ военныхъ администраторовъ. Это и заставляетъ насъ привести цѣликомъ эту часть разсматриваемой нами статьи.

«Изъ осмотрѣнныхъ мною казармъ въ Берлинѣ — говорятъ докторъ Нефтель — однѣ принадлежатъ къ новымъ постройкамъ, другія еще къ временамъ прошедшихъ царствованій. Первыя выстроены по правиламъ гигиены и, несмотря на отсутствіе въ нихъ наружнаго блеска, вполне удовлетворяютъ своему назначенію. Комнаты въ нихъ, обыкновенно, устроены для небольшого числа людей, кровати желѣзныя и поставлены одна надъ другой въ два ряда. Старыя казармы также заключаютъ достаточное помѣщеніе для нижнихъ чиновъ и, вообще, хорошо содержатся. Во всѣхъ казармахъ проведена вода и введено газовое освѣщеніе,

а въ новыхъ устроено амосовское отопленіе, дѣйствительно лучшее для общественныхъ зданій, гдѣ часто заводится много сырости. Обыкновенно, приходится на баталіонъ одна кухня. Столовыя или общія, или изъ всякой комнаты одинъ солдатъ беретъ изъ кухни пищу на остальныхъ. Самая пища довольно вкусная, сытная и всегда мясная. Пекарни при казармахъ не существуютъ, потому что весь гарнизонъ Берлина получаетъ готовый хлѣбъ изъ главной пекарни, состоящей въ вѣдѣніи особыхъ чиновниковъ, и для хлѣбопеченія находятся тамъ въ постоянной командировкѣ солдаты, специально изучившіе это дѣло. Заведеніе это устроено очень просто и доставляетъ прекрасный ржаной хлѣбъ; но мнѣ кажется, что нашъ способъ хлѣбопеченія заслуживаетъ преимущество, такъ какъ онъ еще проще, производится при отдѣльныхъ командахъ и не требуетъ особенно ученыхъ хлѣбопековъ.»

«При казармахъ пѣхотныхъ полковъ нѣтъ особыхъ экзерциргаузовъ, что очень благоразумно, такъ какъ экзерциргаузы положительно вредны. Для здоровья солдатъ полезнѣе экзерцировать въ не слишкомъ холодные дни на свѣжемъ воздухѣ, а въ сильные морозы гораздо лучше вовсе отмѣнить ученье, чѣмъ заставлять солдатъ вспотѣть въ манежѣ и потомъ вывести ихъ на морозъ. Всякій полковой врачъ знаетъ, какъ много воспалительныхъ болѣзней появляется у насъ, въ зимнее время, послѣ манежныхъ учений.»

«Что касается формы одежды прусскихъ солдатъ, то если судить безпристрастно и не подъ вліяніемъ долготѣней привычки къ ней, нельзя не согласиться, что трудно найти другую армію въ Европѣ, обмундированную съ меньшимъ вкусомъ и удобствомъ. Уже одна каска представляетъ множество неудобствъ: она тяжела, при продолжительномъ ношеніи причиняетъ головную боль, не защищаетъ ни отъ холода, ни отъ жара, ни отъ дождя, мѣшаетъ при лежаньи, скорой ходьбѣ и даже стрѣльбѣ. Солдаты всегда снимаютъ ее, при первой возможности, какъ лишнюю тяжесть, даже несмотря ни на холодъ, ни на палящее солнце. Солдатскія фуражки тоже неуклюжи и по большей части безъ козырька, едва ли не самой необходимой части, такъ какъ глаза защищаются козырькомъ отъ излишняго свѣта, отъ дождя и пыли. Прусскіе полукафтаны столь же безобразны. Они коротки, узки, мѣшаютъ своей перетяжкой

свободному дѣйствію мышцъ и брюшныхъ внутренностей. Одно, что я нашелъ удобнымъ въ прусской амуниціи, это—прикрѣпленіе ранцевъ не на крестъ черезъ грудь перекинутыми, а параллельно идущими ремнями.»

«Всѣ военные должны брить бороду и нижнюю часть бакенбардъ, а волосы стричь подъ гребенку. Этотъ обычай, кажется, основанъ больше на какихъ-то традиціяхъ, чѣмъ на практической необходимости. Борода, безъ сомнѣнія, предохраняетъ лицо, зубы и горло отъ многихъ болѣзней нервнаго и воспалительнаго свойства, а волоса защищаютъ голову зимой отъ ревматизма, а лѣтомъ отъ солнечнаго удара. Въ Пруссіи, при встрѣчѣ съ офицерами, солдаты не обязаны снимать фуражекъ: иначе, необходимымъ слѣдствіемъ этого были бы частыя головныя боли.»

«Не будучи специалистомъ, я не могу судить о всѣхъ родахъ учебныхъ занятій прусскихъ солдатъ; но, сколько могу заключить, выправка ихъ доведена до высшей степени педантизма. Идеаломъ военной красоты считается солдатъ, у котораго весь позвоночный столбъ, виѣстѣ съ головой, вопреки анатоміи, представляетъ одну прямую линію, при чемъ онъ долженъ имѣть ненормальную человѣческую походку и, вообще, по своимъ машиннымъ движеніямъ, болѣе походитъ на автоматъ, чѣмъ на человѣка. Прусскіе солдаты проводятъ большую часть учебнаго времени въ усовершенствованіи себя въ маршировкѣ, тогда какъ, напримѣръ, гимнастика не составляетъ еще обязательнаго занятія для всего войска, хорошо, впрочемъ, обученнаго стрѣльбѣ и фехтованію. Вообще, сколько я могъ замѣтить, между офицерами еще сильно вкоренено понятіе, что солдаты должны быть чѣмъ-то въ родѣ машинъ.»

«Разсматривая предметъ этотъ со стороны общественно-гигіенической, невольно спрашиваешь себя: не находится ли обращеніе съ нижними чинами, въ числѣ которыхъ встрѣчаются и люди образованные; въ нѣкоторой связи съ самоубійствами, такъ часто случающимися между нижними чинами прусской арміи, какъ это видно изъ слѣдующихъ цифръ:

	Застрѣлвшихся.	Повѣсившихся.	Утопившихся.
За январь 1860 года.	5	1	—
— февраль	3	1	1
— мартъ	4	4	1
— апрѣль	5	2	—
— май	6	2	2

«Мнѣ неизвѣстно число самоубійцъ за послѣдніе мѣсяцы; но и эти числа, вѣроятно, уменьшены тѣмъ, что многіе утопившіеся показаны въ числѣ утонувшихъ.»

Но если въ Пруссіи такъ предусмотрительно принимаются всѣ мѣры для предупрежденія болѣзненности въ арміи, то, съ другой стороны, по замѣчанію доктора Варенухи, самое «состояніе прусской военной медицины далеко не образцовое, по крайней мѣрѣ, вовсе не такое, которое заслужило бы особеннаго изученія или подражанія». Это тѣмъ болѣе странно, что собственно ученая медицина въ Пруссіи, имѣющая много дѣятельныхъ и знаменитыхъ представителей, стоитъ очень высоко и что гражданскія больницы устроены къ Пруссіи превосходно и вполне образцово, между тѣмъ, какъ военные госпитали ниже всякой посредственности. «Станнымъ образомъ — говоритъ докторъ Варенуха — здѣсь больной въ гражданскомъ быту, при самой высшей бѣдности, находящій въ благотворительныхъ госпитальныхъ заведеніяхъ хорошее и даже, можно сказать, роскошное помѣщеніе, содержаніе и леченіе, въ военной службѣ и въ мирное время, лишается вовсе тѣхъ удобствъ, которыя во имя челоуѣколюбія ему даны внѣ военной службѣ.» Приводимый нами авторъ справедливо объясняетъ это замѣтное пренебреженіе къ военной медицинѣ въ Пруссіи продолжительностію мира, которымъ пользуется уже Пруссія слишкомъ сорокъ лѣтъ, при чемъ, конечно, не могла быть вполне сознана вся важность военно-медицинской части. «Но мобилизація арміи, въ 1859 году, уже ясно показала, что, въ критическія минуты, армія можетъ пострадать отъ недостатка врачебной помощи, несмотря на то, что государство имѣетъ много врачей, обязанныхъ однолѣтнею службою. Число обязанныхъ военною службою врачей оказывается недостаточнымъ для военнаго состава арміи, а свободные гражданскіе врачи, находящіе въ частной практикѣ совершенное обезпеченіе для себя и своихъ семействъ, неохотно мѣняютъ свое обезпеченное положеніе на совѣмъ незавидное и невѣрное положеніе военнаго врача.» Все это, въ настоящее время, дало почувствовать необходимость преобразованія военно-медицинской части, чѣмъ озабочено и само прусское правительство.

Впрочемъ, собственно относительно устройства госпиталей въ Пруссіи, мы никакъ не рѣшаемся высказать о нихъ что либо положительное, основываясь на статьяхъ «Военно-Медицинскаго

Журнала», потому что мнѣнія самихъ авторовъ этихъ статей не совсѣмъ согласны между собой насчетъ этихъ госпиталей. Такъ, докторъ Варенуха прямо говоритъ, напримѣръ, о Берлинскомъ большомъ военномъ госпиталѣ (Garnisonslazareth), служащемъ для больныхъ гвардейскаго корпуса, что госпиталь этотъ не отличается особенною чистотою и опрятностію и что въ немъ только и замѣчательны, что новые проволочные матрацы и чистая, опрятная паровая кухня. Къ этому докторъ Вильчковскій, въ своей статьѣ, тоже присоединяетъ, что «какъ казармы, такъ и *военные госпитали*, называемые въ Пруссіи лазаретами (Militärlazareth), въ отношеніе чистоты, порядка и опрятности, не могутъ выдержать сравненія съ нашими. Крашенные полы въ нихъ считаются роскошью и существуютъ въ весьма немногихъ изъ нихъ». Въ самомъ Берлинскомъ военномъ госпиталѣ, докторъ Вильчковскій находитъ нѣсколько неудобствъ и, между прочимъ, то, что больные помѣщены довольно тѣсно въ палатахъ, въ которыхъ вентиляція недостаточна для поддержанія хорошаго воздуха. Совершенно другой характеръ имѣетъ статья доктора Н. Евфанова, который находитъ весьма много хорошаго и достойнаго подражанія въ прусскихъ госпиталяхъ и, между прочимъ, вотъ что говоритъ по поводу чистоты и опрятности въ этихъ заведеніяхъ:

«Чистота собственно палатъ, достаточная во всѣхъ отношеніяхъ, здѣсь не кидается въ глаза яркимъ блескомъ отъ натиранія воска и лака. Думаютъ, что блескъ добывается значительными издержками, большимъ, часто мучительнымъ трудомъ прислуги, всегда важнымъ безпокойствомъ и стѣсненіемъ для больныхъ. А такъ какъ эти пожертвованія не вознаграждаются никакъ существенною пользою, то блескъ и не считается здѣсь въ числѣ необходимыхъ принадлежностей госпитальнаго благоустройства.»

Съ этимъ справедливымъ замѣчаніемъ г. Н. Евфанова нельзя не согласиться, и въ немъ, быть можетъ, найдется объясненіе и того, почему гг. Вильчковскій и Варенуха нашли, что по чистотѣ и опрятности прусскіе военные госпитали не выдерживаютъ сравненія съ нашими.

Что касается до порядка въ госпиталяхъ и особенно до прислуги, то особенно ею восторгается докторъ Н. Евфановъ. Прислуга эта особенно замѣчательна въ гражданскихъ больни-

пахъ, гдѣ она женская и, по словамъ г. Н. Евфанова, составляетъ совершенство въ своемъ родѣ. Вообще, названный нами сейчасъ авторъ отдастъ полную справедливость прекрасному устройству прусскихъ госпиталей и, въ заключеніе о нихъ, говоритъ:

«Въ хозяйственномъ отношеніи здѣсь примѣнено многое, что, въ послѣдніе годы, изобрѣтено хорошаго и истинно полезнаго. Газовымъ освѣщеніемъ, парами, проведеніемъ воды, прочными и спокойными тюфяками введены существенно важныя удобства, уничтожены или облегчены многія тяжкія работы и—почему же не сказать?—устранены многіе поводы къ соблазнамъ. Паровикъ согрѣваетъ, гонитъ воду, моетъ бѣлье, пилитъ дрова; онъ отопляется торфомъ, въ Россіи дешевымъ, слѣдовательно, кромѣ несомнѣнныхъ и очевидныхъ удобствъ, сберегаетъ большія суммы, расходующіяся теперь на покупку дровъ.»

«Нельзя также не упомянуть, что здѣшнія заведенія свидѣтельствуютъ о началахъ гуманности, развитой во всемъ, даже въ заботливости о хорошемъ помѣщеніи и продовольствіи прачекъ, служителей. Этимъ облагораживается каждое необходимое для общества званіе, и въ служителяхъ складывается понятіе о чести, при которой онъ не потребуеетъ отъ больнаго денегъ за то, чтобы принести ему горячей воды для чаю, и не принесетъ ему секретно водки или другаго чего запрещеннаго, хотя бы больной и соблазнялъ его платою за трудъ.»

Изъ другихъ статей разсматриваемыхъ нами номеровъ «Военно-Медицинскаго Журнала», независимо отъ статей чисто-спеціальнаго характера, особеннаго вниманія нашихъ читателей заслуживаетъ, помѣщенная въ №№ 5 и 6, статья пр. Я. Чистовича: «Кизляръ и его медицинская топографія за сто лѣтъ до настоящаго времени». Статья эта лучше всего показываетъ, какъ надо быть осторожнымъ при оцѣнкѣ, въ гигиеническомъ отношеніи, какой нибудь мѣстности и какія громадныя послѣдствія можетъ имѣть иногда ошибочная оцѣнка какого нибудь пункта. Кизляръ издавна считался мѣстностію, гибельною для пришельцевъ, особенно же для солдатъ, которые, кромѣ тягостей непривычнаго для нихъ климата, обременены еще и разными трудными работами. Но до 1749 года не было особенныхъ жалобъ на кизлярскій климатъ, и только съ этого года, когда дозволено было разводить рисовыя поля у самыхъ стѣнъ

крѣпости, болѣзненность въ гарнизонѣ Кизляра сильно увеличилась, такъ что обратила на себя вниманіе тогдашняго военнаго и медицинскаго высшаго начальства. Для изслѣдованія причинъ этой болѣзненности на мѣстѣ, командированъ былъ туда изъ Петербурга докторъ Вилліамъ Гевиттъ, который прибылъ въ Кизляръ въ началѣ 1755 года, гдѣ и пробылъ до іюня 1756. Въ представленной имъ Медицинской Канцеляріи «Медицинской топографіи Кизляра», онъ прямо говоритъ, что климатъ этой мѣстности не представляетъ ничего особенно вреднаго, но что главныя причины сильной болѣзненности и смертности въ гарнизонѣ заключаются въ дурномъ помѣщеніи, плохой пищѣ и чрезмѣрно трудныхъ работахъ солдатъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ также полагалъ, что, конечно, отчасти и разведеніе рисовыхъ полей имѣетъ также нѣкоторое вліяніе на развитіе болѣзненности. Этимъ послѣднимъ указаніемъ болѣе всего и воспользовались мѣстныя власти: постепенно не только запретили они разведеніе рисовыхъ полей, но также и разведеніе хлопчатой бумаги, потомъ не позволили заниматься по домамъ шелководствомъ, а наконецъ наложено запрещеніе на мелочную продажу винограднаго вина, фруктовъ и овощей. Что же касается до улучшенія самаго быта солдата, неудовлетворительное положеніе котораго было главной причиной болѣзненности, то, несмотря на предписанія объ этомъ предметѣ Военной Коллегіи, не было ничего сдѣлано по этой части. Оттого ни болѣзненность, ни смертность самаго гарнизона нисколько не уменьшились, а, между тѣмъ, Кизляръ постоянно все болѣе и болѣе падалъ въ промышленномъ и торговомъ отношеніи, пока наконецъ не сошелъ до того положенія, въ которомъ находится почти и теперь и которое далеко не похоже на блестящее состояніе этого города въ половинѣ прошлаго вѣка. А, между тѣмъ, со времени Императора Павла I, онъ еще успѣлъ нѣсколько оправиться и въ нѣкоторой, по крайней мѣрѣ, степени возстановить прежніе свои промыслы, благодаря заступничеству штаб-лекаря Шатиловича, бывшаго инспекторомъ медицинскаго части на Кавказской линіи. Ему удалось выказать всю нецѣльность ограниченій, наложенныхъ на естественные промыслы Кизляра, и содѣйствовать уничтоженію этихъ ограниченій. Этимъ онъ, конечно, оказалъ огромную услугу этой мѣстности; но Кизляръ, разь поколебленный въ своемъ благосостояніи, уже не легко

могъ вновь оправиться и достигъ прежней степени своего развитія.

Въ статьѣ же г. пр. Я. Чистовича заключается еще весьма много чрезвычайно интересныхъ свѣдѣній о заведеніи у насъ врачебныхъ управъ, о первыхъ изслѣдованіяхъ медицинскимъ начальствомъ кавказскихъ минеральныхъ водъ и, вообще, о медицинской топографіи Кавказской линіи въ прошломъ вѣкѣ; но, къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ входить въ большія подробности объ этой статьѣ, такъ какъ и безъ того уже обзоръ нашъ «Военно-Медицинскаго Журнала» вышелъ очень пространный.

«Русскій Инвалидъ» за 1860 годъ.

Въ № 4 «Военнаго Сборника» за 1859 годъ, мы имѣли случай отозваться о «Русскомъ Инвалидѣ», сказавъ, что онъ превзошелъ всякую мѣру приличія въ своихъ нападкахъ на «Военный Сборникъ» и что газета эта, по крайней мѣрѣ, на нашъ взглядъ, *совершенно утратила характеръ военной газеты*. Тогда же редакция «Русскаго Инвалида», въ отвѣтъ на эту рецензію, вмѣсто того, чтобы защищаться, позволила себѣ выходку, которой трудно приискать даже названіе: въ видѣ мщенія за сдѣланный о ней отзывъ, она объявила, въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ (въ № 105-мъ 1859 г.), что будто бы статья «Армейцы Военному Сборнику», напечатанная въ «Русскомъ Инвалидѣ» и подписанная буквами П. К., принадлежитъ настоящему редактору «Военнаго Сборника» (*). Хотя редакторъ «Русскаго Инвалида» и ошибся въ своемъ предположеніи относительно того, *кому именно принадлежитъ статья* «Армейцы Военному Сборнику»; но здѣсь это обстоятельство отодвигается уже на второй планъ, а главнымъ вопросомъ является уже то, какъ могъ позволить себѣ господинъ редакторъ подобную выходку, забывши совершенно о томъ, какая священная обязанность лежитъ на каждомъ редакторѣ. Получая отъ кого бы то ни было статью, авторъ которой не желаетъ, чтобы имя его было извѣстно публикѣ, редакторъ, подъ страхомъ всеобщаго осужденія,

(*) Г. редакторъ «Русскаго Инвалида» не могъ забыть, какимъ путемъ доставлена была въ редакцію помянутая статья. Полагаемъ также, что г. редакторъ «Русскаго Инвалида» не забылъ добавленій къ статьѣ, сдѣланныхъ имъ лично.

не долженъ открывать того, что ему было довѣрено. Редакторъ «Русскаго Инвалида» забылъ это основное правило журналистики и этимъ самымъ, поставивъ себя въ совершенно особенное, исключительное положеніе, избавилъ редакцію «Военнаго Сборника» отъ непріятной обязанности отвѣчать ему. Дѣйствительно, стоитъ ли вступать въ полемику съ газетою, позволяющею себѣ подобныя выходки, особенно же по поводу вопроса, который, въ сущности, нисколько не ведетъ ни къ какимъ полезнымъ цѣлямъ: это значило бы только напрасно терять время и унижать себя.

Но это молчаніе редакціи «Военнаго Сборника» въ дѣлѣ, касающемся личностей, было бы непростительно, если бы оно продолжалось и тогда, когда дѣло доходитъ до предметовъ, касающихся всего нашего военного сословія. Пока «Русскій Инвалидъ» ограничивался нападками прямо на личность редактора «Военнаго Сборника» и на личности его сотрудниковъ, помѣщавшихъ рецензіи или статьи въ этомъ журналѣ (*), до тѣхъ поръ «Военный Сборникъ» не считалъ нужнымъ отвѣчать на эти, не всегда справедливыя, а главное—въ высшей степени неприличныя нападки. Но, въ послѣднее время, редакція «Русскаго Инвалида», вѣроятно, ободренная этимъ молчаніемъ «Военнаго Сборника», снова позволила себѣ выходку, которую, въ видахъ общественной пользы, нельзя и не должно проходить молчаніемъ. Не встрѣчая нигдѣ похвалъ себѣ, а, между тѣмъ, чувствуя, вѣроятно, необходимость ихъ подъ конецъ года, для обезпеченія себѣ болѣе успѣшной подписки на будущее время, редакція «Русскаго Инвалида» рѣшилась похвалить сама свое изданіе, что и исполнила въ № 259, въ предисловіи къ статьѣ г. О. Затлера. Въ предисловіи этомъ, подписанномъ буквами П. Л., прямо говорится, что, «несмотря на обширность программы «Инвалида», какъ газеты литературной, военной и политической, мы обращали особое вниманіе на собственно военный отдѣлъ, значительно осиротѣвшій съ прекращеніемъ «Военнаго Журнала». Затѣмъ слѣдуетъ упрекъ «Военному Сборнику», что онъ теперь обратился въ дневникъ Шамяля, что лучшая статья его растянута на шесть книжекъ и черезъ то теряетъ свою занимательность, и что переводъ тактики Грисгейма составлялъ не

(*) См. №№ 115 и 103 «Русскаго Инвалида» за 1889 годъ.

болѣе, какъ балластъ книжекъ «Военнаго Сборника», а что лучше бы было издать эту книгу отдѣльно, въ видѣ преміи для обязательныхъ подписчиковъ «Военнаго Сборника». Въ какой степени справедливы всѣ эти замѣчанія, предоставляемъ судить самимъ читателямъ; мы же, съ своей стороны, замѣтимъ только, что намъ кажется страннымъ упрекъ г. П. А. редакціи «Военнаго Сборника» въ томъ, что статья «Походный Дневникъ» раздроблена на шесть, а тактика Грисгейма на двѣнадцать книжекъ. Почему это сдѣлано такъ, а не иначе, это, быть можетъ, хозяйственный расчетъ редакціи. Вѣдь мы же, да и никто, кажется, до сихъ поръ не упрекалъ редакцію «Русскаго Инвалида», что она тянула почти цѣлый годъ «Записки о продовольствіи войскъ въ военное время», г. Затлера, составившія два тома въ 717 страницъ. Мы вовсе не хотимъ и знать, что за причины руководили при этомъ редакціею, а, между тѣмъ, намъ кажется, что записки эти тоже немало должны были терять своей занимательности, будучи такимъ образомъ раздроблены. Сдѣлавъ такой отзывъ о «Военномъ Сборникѣ», г. П. А. говоритъ далѣе: «Понимая, что самыя подробныя инструкціи китайскихъ полководцевъ и свѣдѣнія о Кожуховскомъ походѣ не замѣнять нѣсколькихъ дѣльныхъ строкъ о современномъ положеніи военнаго дѣла, «Русскій Инвалидъ», несмотря на ограниченность формата, успѣлъ, благодаря мелкому шрифту своего Военнаго Листка, помѣстить рядъ статей Артиллериста о важнѣйшихъ вопросахъ военнаго дѣла; сочиненіе г. Герсеванова: «О причинахъ тактическаго превосходства Французовъ въ Крыму; Голенковскаго—«Дѣйствія евпаторійскаго отряда», обширную полемику о кавалеріи; чтенія профессора Киттары «О кожевенномъ производствѣ»; «Отчетъ графа Канкринна за 1812, 1813, 1814 и 1815 годы», сочиненіе (?) свиты Его Величества генераль-маіора графа Канкринна «Объ устройствѣ госпиталей во Франціи»; статьи: «О морскихъ силахъ Англіи и Франціи»; «Описаніе Вуличскаго арсенала»; «Записки о продовольствіи войскъ въ военное время», генераль-маіора Затлера (составившія два тома въ 717 страницъ); сверхъ того, помѣщена въ переводѣ значительная часть «Записокъ графа Толя», переведенныхъ съ нѣмецкаго.»

«Такова была дѣятельность «Русскаго Инвалида» по отдѣлу военно-ученому. Намъ пріятно, что нѣкоторые изъ названныхъ

сочиненій, изданныя впоследствии отдѣльно, по единогласному отзыву людей свѣдущихъ, сдѣлались капитальнымъ приобрѣтеніемъ для нашей военной литературы.»

Мы бы оставили безъ вниманія это самохвальство «Русскаго Инвалида», если бы оно могло быть совершенно безвредно для нашего военного общества; но такъ какъ, пожалуй, найдутся люди, которые и впрямь повѣрятъ на слово этой газетѣ и составлять себѣ ложное понятіе объ ея дѣятельности, то, для предупрежденія этого, считаемъ своимъ неперемѣннымъ долгомъ объяснить, наивозможно болѣе точнымъ образомъ, въ чемъ именно заключается дѣятельность «Русскаго Инвалида» и на сколько, дѣйствительно, военно-ученый отдѣлъ нашей литературы двинуть впередъ этой газетой. При этомъ мы отбросимъ въ сторону всякаго рода предубѣжденія противъ «Русскаго Инвалида» и его редакціи и единственно будемъ стараться о томъ, чтобы сохранить вполне безпристрастный и справедливый тонъ въ нашей оцѣнкѣ.

Въ своемъ предисловіи къ статьѣ г. О. Затлера, г. П. Л. говоритъ, что, съ цѣлью разработки вопросовъ по военной исторіи, военной администраціи, общему и военному законодательствамъ, еще съ начала 1857 года, «мы начали учено-ислѣдовательный отдѣлъ нашей газеты разсмотрѣніемъ состоянія тактики и военного образованія войскъ въ Россіи и за границею, и всѣ помнятъ ожесточенную полемику, вызванную статьями: «О стрѣлковыхъ баталіонахъ въ Россіи и западно-европейскихъ арміяхъ». Самая горячность этого спора служила доказательствомъ, что ударъ былъ нанесенъ мѣтко.»

Странно видѣть подобное мнѣніе о полемикѣ, возникшей по поводу статьи: «О стрѣлковыхъ баталіонахъ», и особенно странно встрѣтить его въ «Русскомъ Инвалидѣ». Сколько намъ помнится, полемика эта не принесла никакихъ результатовъ, потому что обѣ спорившія стороны совершенно уклонились отъ предмета своего спора и перешли въ перебранку и личности. Во всякомъ случаѣ, очень сожалѣемъ, что г. П. Л. не объяснилъ обстоятельнѣе, кому именно въ этой полемикѣ *«ударъ былъ нанесенъ мѣтко»*. Это вовсе не лишено было бы интереса. Вообще, надо сказать, что полемики всякаго рода бываютъ какъ-то неудачны въ «Русскомъ Инвалидѣ». Такъ, возникавшія въ немъ полемики, напримѣръ, о стрѣлковыхъ баталіонахъ, о кавалеріи,

наконецъ даже о «Военномъ Сборникѣ» 1858 года не приносили никакихъ результатовъ и кончались, обыкновенно, тѣмъ, что или обѣ стороны, забывъ предметъ своего спора, прибѣгали къ самымъ неприличнымъ въ литературѣ выходкамъ, или же одна сторона, пользуясь молчаніемъ другой, всячески старалась забросать ее грязью. Въ подобныхъ случаяхъ, очевидно, далеко не могло быть достигаемо рѣшеніе и поясненіе спорныхъ вопросовъ, и «Русскій Инвалидъ», давая мѣсто подобнымъ полемикамъ въ своихъ фельетонахъ, очевидно, болѣе старался только о наполненіи этихъ фельетоновъ, чѣмъ о дѣйствительной пользѣ дѣла. Поэтому-то мы съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтили, что, въ теченіе всего прошлаго 1860 года, въ «Русскомъ Инвалидѣ» почти вовсе не было полемическихъ статей, по крайней мѣрѣ по военной части. Лучше уже совсѣмъ не принимать въ свои столбцы полемическихъ статей, чѣмъ печатать подобныя возбужденнымъ по вышеозначеннымъ вопросамъ.

Что же затѣмъ еще сдѣлалъ «Русскій Инвалидъ» для разработки разныхъ вопросовъ по военно-ученому отдѣлу? Говоря словами г. П. Л., онъ помѣщалъ въ своихъ фельетонахъ критическія статьи полковника Соколова, по случаю трехъ сочиненій о Крымской войнѣ; далѣе—«*Записку о замѣчательнѣйшихъ перемѣнахъ, усовершенствованіяхъ и изобрѣтеніяхъ по части тактики*», представленную генераломъ барономъ Медемомъ въ 1843 г.; затѣмъ были еще напечатаны въ «Инвалидѣ» различныя статьи, которыя нами приведены уже выше, въ выпискѣ изъ предисловія г. П. Л. Но, отдавая полную справедливость достоинствамъ всѣхъ этихъ статей, замѣтимъ только, что тѣ изъ нихъ, которыя относятся до нашего отечества, всѣ историческаго содержанія, кромѣ только чтенія о кожевенномъ производствѣ. Притомъ же, онѣ, по большей части, были напечатаны въ «Русскомъ Инвалидѣ» въ то еще время, когда, послѣ окончанія войны, пробудилась въ нашемъ обществѣ жажда къ дѣятельности и когда военные не имѣли никакого органа, въ которомъ бы могли помѣщать свои мысли и замѣчанія, особенно о тѣхъ событіяхъ, очевидцами которыхъ они были. Мы сказали, что, въ то время, кромѣ «Русскаго Инвалида», не было ни одного военного журнала, потому что, дѣйствительно, выходившій въ то время «Военный Журналъ» не пользовался большимъ значеніемъ въ арміи и существовалъ только трудами весьма немногихъ дил-

летантовъ военнаго дѣла и для ихъ же собственнаго удовольствія. «Военный же Сборникъ» началъ издаваться только съ мая 1858 г. и не могъ внушить къ себѣ сначала большаго довѣрія читателей. Что же удивительнаго, что, въ это-то время, все пишущее литературно-военное сословіе обращалось къ «Русскому Инвалиду», для помѣщенія въ немъ своихъ произведеній? И это время есть, дѣйствительно, самое лучшее въ его жизни послѣднихъ годовъ, согласно съ чѣмъ и сдѣланъ былъ о немъ отзывъ въ № 1 «Военнаго Сборника» за 1858 годъ. Но, по мѣрѣ того, какъ стало устанавливаться довѣріе въ арміи къ «Военному Сборнику», «Русскій Инвалидъ» сталъ очевидно терять отъ этого, и уже въ 1859 году онъ почти только и поддерживалъ военную часть въ своихъ фельетонахъ одними заграничными извѣстіями, переводимыми, по большей части, изъ нѣмецкихъ газетъ, да статьями, направленными противъ «Военнаго Сборника» 1858 года. Это и вызвало тогда же наше заключеніе, что газета эта почти потеряла свой характеръ газеты военной, — заключеніе, которое мы еще съ большею увѣренностію въ правотѣ своей повторяемъ теперь, рассмотрѣвъ «Русскій Инвалидъ» за 1860 годъ. Несмотря на то, что «Инвалидъ», въ главѣ своего объявленія, пишетъ, что онъ газета *военная*, а потомъ уже литературная и политическая, несмотря на то, что, въ объявленіи объ изданіи этой газеты на 1861 годъ, говорится, что: «отдѣлъ военно-ученый, содержащій разработку важнѣйшихъ вопросовъ по военному дѣлу и военной исторіи, былъ всегда предметомъ особаго вниманія редакціи», — несмотря на все это, мы опять повторяемъ сказанное нами уже давно, еще въ 1859 году, что: «газета эта, при всѣхъ ея достоинствахъ, можетъ назваться военною развѣ только потому, что имѣетъ преимущество печатать въ своихъ столбцахъ Высочайшіе указы, относящіеся до военнаго вѣдомства, да изрѣдка помѣщаетъ въ фельетонахъ кой-какія военныя статьи» (*).

Но вѣдь во многихъ же газетахъ и журналахъ весьма часто встрѣчаются статьи военнаго содержанія, и это нисколько не даетъ имъ права на названіе военныхъ и, конечно, никогда не побудитъ ихъ къ тому, чтобы объявлять о себѣ во всеуслышаніе, что мы, дескать, двигаемъ впередъ военное дѣло.

(*) См. № 4-й «Военнаго Сборника» за 1859 годъ.

Чтобы не заслужить упрека, что наше сужденіе о «Русскомъ Инвалидѣ» голословно, мы рѣшаемся привести нѣкоторыя данныя о дѣятельности этой газеты за прошлый 1860 годъ.

Всего въ 1860 году «Русскій Инвалидъ» успѣлъ, благодаря мелкому, но весьма затрудняющему чтеніе шрифту своихъ фельетоновъ, помѣстить въ ихъ столбцахъ болѣе 264 статей разнаго содержанія и величины. Изъ этого числа только 55 были содержанія военнаго, считая въ томъ числѣ и многія мелкія статьи, ограничивавшіяся часто однимъ или двумя столбцами. Мы не станемъ разсматривать содержанія и значенія статей не-военнаго содержанія, но не можемъ, однако, не замѣтить, что главную массу ихъ составляютъ разныя «воскресныя и городскіе листки», «И то и сѣ», «Московская хроника», «Смѣсь» и разныя мелкія извѣстія, что все составляетъ болѣе половины всѣхъ статей съ не-военнымъ содержаніемъ. Что же касается до статей военныхъ, то онѣ распредѣлены по слѣдующимъ категоріямъ:

Военныхъ заграничныхъ лѣтописей и, вообще, статей, имѣющихъ предметомъ иностранныя арміи	24
Статей, имѣющихъ отношеніе до состоянія военнаго дѣла въ Россіи	9
Военно-историческихъ	2
Библиографическаго и полемическаго содержанія	12
Разнаго содержанія, не отнесеннаго въ другія категоріи.	8
<hr/>	
Итого статей	55

Но, конечно, еще одинъ этотъ цѣловый перечень числа статей не даетъ понятія ни о содержанія, ни о достоинствѣ ихъ, хотя и здѣсь можно было бы замѣтить, что военная газета, особенно имѣющая претензію на *развитіе военно-учебныхъ вопросовъ*, могла бы имѣть и нѣсколько болѣе обширный отдѣлъ военно-литературный. Но оставимъ это пока въ сторонѣ и обратимъ главное вниманіе на то, на сколько содержаніе и важность этихъ статей двигаютъ впередъ военную науку у насъ.

Во первыхъ, статьи, имѣющія предметомъ знакомить читателей съ состояніемъ военнаго искусства въ другихъ государствахъ, по большей части переводныя изъ нѣкоторыхъ военныхъ нѣмецкихъ газетъ, а то даже очень часто и вовсе не изъ военныхъ изданій нѣмецкихъ и французскихъ. Свѣдѣнія, заключающіяся въ этихъ статьяхъ, можно найдти почти во всѣхъ періо-

дическихъ изданійхъ не-военныхъ, особенно въ послѣднее время, когда, вслѣдствіе постоянно тревожнаго положенія европейской политики, этими свѣдѣніями стали интересоваться не исключительно только одни военные, а вообще вся масса читающей публики. Поэтому-то мы и не полагаемъ ставить въ особенную заслугу «Русскому Инвалиду» этотъ отдѣлъ его статей, тѣмъ болѣе, что статьи его, имѣя исключительною цѣлью знакомство съ заграничными военными учрежденіями, въ сущности, весьма мало еще содѣйствуютъ собственно успѣхамъ у насъ военного дѣла.

Гораздо большій интересъ, собственно для нашихъ военныхъ читателей, долженъ былъ бы представлять отдѣлъ статей, имѣющихъ отношеніе до состоянія военного дѣла въ Россіи. Но, къ сожалѣнію, это далеко не можетъ быть достигнуто статьями «Русскаго Инвалида» по этой части. Предоставляемъ самимъ читателямъ судить о томъ, въ какой мѣрѣ эти статьи интересны для нашей арміи. Изъ нихъ три небольшія статейки посвящены обзору лекцій, читанныхъ въ Артиллерійскомъ училищѣ генераломъ Константиновымъ, поручиками Энгельгардтомъ и Кульвецомъ; три статьи имѣютъ предметомъ донское казачье войско и донскую артиллерию; одна статья трактуетъ о злоупотребленіяхъ натуральной квартирной повинности и о необходимости переложенія ея въ денежную; одна возстаетъ противъ многописанія у насъ, особенно по слѣдственнымъ и судебнымъ дѣламъ, и, наконецъ, восемь статей, подъ заглавіемъ «Замѣтки артиллериста», подписанныя поручикомъ Э. Л—ко, и двѣ замѣтки, подъ которыми просто подписано «Артиллеристъ», посвящены на разборъ разныхъ статей «Артиллерійскаго Журнала» и, вообще, нѣкоторыхъ мелкихъ артиллерійскихъ вопросовъ. Вотъ и все содержаніе этого отдѣла. Изъ всѣхъ этихъ статей наиболѣе заслуживаютъ вниманія относящіяся до донскаго казачьяго войска. Статьи о публичныхъ лекціяхъ могли бы быть весьма интересны, еслибъ въ нихъ давалось болѣе обширное понятіе о предметѣ этихъ лекцій. Что же касается до статьи о квартирной повинности и замѣчаній насчетъ многописанія, то это запоздалыя явленія, не могущія быть занимательными теперь, когда почти уже рѣшенъ вопросъ о постепенномъ переводѣ натуральной квартирной повинности въ денежную и когда приняты уже многія мѣры для возможно большаго сокращенія переписки. Остается сказать нѣ-

сколько словъ о «Замѣткахъ артиллериста», которыя занимаютъ, какъ кажется, весьма важное мѣсто въ «Русскомъ Инвалидѣ», если судить, по крайней мѣрѣ, о нихъ по выноскѣ, сдѣланной редакціею, въ № 53, подъ ними, что — «подъ этимъ заглавіемъ сообщаются намъ наблюденія и вопросы изъ армій». Странно, что эта выноска сдѣлана подъ однимъ изъ параграфовъ «Замѣтокъ артиллериста», гдѣ говорится о назначеніи столовыхъ всѣмъ командирамъ отдѣльныхъ частей. Это единственная замѣтка, всего въ одиннадцать строкъ, относящаяся до всей арміи; затѣмъ всѣ остальные посвящены разнымъ артиллерійскимъ вопросамъ. Притомъ же, и самъ г. поручикъ Э. Л—ко, въ своемъ предисловіи, которое почему-то напечатано не въ началѣ замѣтокъ, а только уже передъ XXV замѣткою, говоритъ, что онъ рѣшается «представить на судъ общественнаго мнѣнія разные вопросы и мысли, касающіеся артиллерійскаго общества нашей арміи». Это видно вполне изъ самаго содержанія этихъ замѣтокъ; притомъ же, конечно, быть можетъ, мы и ошибаемся, но намъ кажется, что г. Э. Л—ко въ настоящемъ и прошломъ году проживалъ въ Петербургѣ, слѣдовательно, если наше предположеніе справедливо, ему весьма трудно было бы слѣдить и наблюдать за нашей арміею. Спрашивается: къ чему же редакція «Русскаго Инвалида» объявляетъ, что подъ заглавіемъ «Замѣтки артиллериста» ей сообщаются наблюденія и вопросы изъ армій?

Переходя къ отдѣлу военно-историческому, мы видимъ, что по этой части всего были только двѣ статьи въ «Русскомъ Инвалидѣ» за 1860 годъ, а именно: помѣщенная въ двухъ нумерахъ статья, извлеченная изъ записокъ полковника Генеральнаго Штаба Липранди: «Битва и занятіе позиціи при Шумлѣ, 8 іюля 1828 года», и разбитая на одиннадцать нумеровъ статья г. Затлера: «О госпитальной части въ военное время». Статьи эти, конечно, важны, какъ матеріалы для военной исторіи, но и только: поучительности въ нихъ нѣтъ.

Въ первой статьѣ и не можетъ быть ея, такъ какъ дѣйствія, описываемыя въ ней, слишкомъ еще близки къ намъ для того, чтобы быть подвергнутыми строгой критической оцѣнкѣ. Статья же г. Затлера представляетъ, конечно, громадную ученость автора, показываетъ, что онъ добросовѣстно и вполне исчерпалъ всѣ имѣвшіеся для предмета его статьи и источники; но, тѣмъ не менѣе, и въ этой статьѣ, какъ и въ прежнихъ о продовольствіи войскъ

въ военное время, мы далеко не нашли того, что въ правѣ были ожидать отъ замѣчательно даровитаго и извѣстнаго своею практичностью въ интендантскомъ дѣлѣ автора. Какъ въ запискахъ о довольствіи войскъ, такъ и въ статьѣ о госпитальной части, мы ожидали, что авторъ постарается выяснить, почему почти всегда, даже при самыхъ лучшихъ распоряженіяхъ правительственныхъ по этимъ двумъ важнымъ вопросамъ, встрѣчается много злоупотребленій, такъ что даже самыя лучшія мѣры не приносятъ ожидаемыхъ отъ нихъ результатовъ: мы надѣялись, что авторъ, указавши на эти злоупотребленія, вмѣстѣ съ тѣмъ, укажетъ и на то, какимъ образомъ возможно устранить или, по крайней мѣрѣ, уменьшить ихъ. Тогда, дѣйствительно, статьи г. *Θ. Затлера*, мало того, что были бы интересны, онѣ были бы еще и въ высшей степени поучительны и могли бы служить важнымъ пособіемъ для исправленія военно-административныхъ учреждений. А какъ важны и необходимы были бы подобныя исправленія, объ этомъ можно судить отчасти по нѣкоторымъ даннымъ, приводимымъ въ статьѣ «О госпитальной части въ военное время». Такъ г. *Θ. Затлеръ*, указывая на число убитыхъ въ сраженіяхъ и умершихъ отъ ранъ и болѣзней въ разныя войны, приводитъ слѣдующія цифры:

Съ 1806 по 1812 годъ, приблизительно, до 100,000 чело-
вѣкъ; въ Польскую войну 1830 — 1831 г., приблизительно,
87,122 чел.; въ Венгерскую войну—10,253 чел.; въ Турецкую
войну 1828, 1829 и 1830 (*) годовъ: въ Европейской Турціи—
118,745 чел., въ Азіатской Турціи—3,900; наконецъ, въ кам-
панію на Дунай, въ 1853—1854 гг.—13,947 человекъ. О кам-
паніяхъ 1812, 1813 и 1814 годовъ авторъ приводитъ лишь
самыя отрывочныя свѣдѣнія, изъ которыхъ невозможно сдѣлать
общаго вывода.

Такимъ образомъ, только въ эти однѣ войны погибло болѣе
333,000 человекъ, не принимая въ расчетъ войнъ 1812, 1813
и 1814 годовъ. Изъ этого числа можно смѣло сказать, что лишь
самая незначительная часть погибла на поляхъ сраженій, а за-
тѣмъ большинство умерло въ госпиталяхъ отъ болѣзней. На
возможное уменьшеніе этой-то послѣдней массы людей и должно

(*) Здѣсь приводятся и потери, понесенныя въ 1830 году, такъ какъ войска
наши все еще находились подъ вліяніемъ тѣхъ же условій, какія были причиною
болѣзненности въ 1828 и 1829 годахъ.

было бы сосредоточиваться вниманіе военной администраціи. Конечно, разныя гигиеническія мѣры, принимаемыя въ войскахъ, въ нѣкоторой степени, могутъ предохранять отъ развитія болѣзненности и смертности въ войскахъ, но все жъ таки ихъ недостаточно. Тѣмъ не менѣе, нельзя не поблагодарить г. *Θ. Затлера* за то, что онъ, въ своей статьѣ, обратилъ вниманіе на изложеніе предохранительныхъ гигиеническихъ мѣръ, которыя были принимаемы въ разныя предшествовавшія войны. Этимъ мѣрамъ отчасти можно приписать уже и то, что, напримѣръ, наша армія, потерявшая въ Европейской Турціи, въ 1829 году, болѣе половины своей числительности, въ послѣднюю войну на Дунаѣ, съ 1 ноября 1853 года по 1 ноября 1854, лишилась только одной четырнадцатой части своего состава.

Но какъ ни важны гигиеническія мѣры, принимаемыя самими войсками, все-таки еще болѣе важно и то, чтобы самое устройство госпиталей и особенно ихъ хозяйство содѣйствовали бы не къ усилению смертности между поступавшими въ нихъ больными, а, напротивъ, къ возможному уменьшенію ея и, вообще, къ возможному облегченію самихъ больныхъ. На этотъ-то предметъ почти совершенно не обращено вниманіе г. *Θ. Затлера* въ помѣщенныхъ имъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» за прошлый годъ статьяхъ; но такъ какъ рядъ этихъ статей будетъ еще продолжаться и въ настоящемъ году, то можно надѣяться, что и на этотъ вопросъ будетъ обращено вниманіе автора.

Вообще, надо отдать справедливость, что статья г. *Θ. Затлера* «О госпитальной части» есть самая капитальная въ «Русскомъ Инвалидѣ» и служить единственнымъ украшеніемъ этой газеты за прошлый годъ.

Впрочемъ, слѣдуетъ еще отдать справедливость «Русскому Инвалиду», что отдѣлъ военной библіографіи въ немъ положительно лучше всѣхъ другихъ отдѣловъ. Такъ, за прошлый годъ въ немъ были помѣщены разборы семи военныхъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ и трехъ, изданныхъ на нашемъ отечественномъ языкѣ. Разборы эти, хотя и не отличаются строгой критической оцѣнкой, но важны потому, что знакомятъ вполне очень хорошо со всѣми новостями военной литературы.

Наконецъ, въ отдѣлѣ статей, не вошедшихъ въ выше разобранные нами отдѣлы, можно найти всевозможные предметы, изложеніе которыхъ по большей части отличается поверхностію.

и легкостію. Лучшая статья изъ этого отдѣла — это: «Огнестрѣльное оружіе въ XIX вѣкѣ», переведенная изъ «Revue des deux Mondes»; но и она слишкомъ растянута и не заключаетъ въ себѣ ничего новаго и особенно интереснаго:

Такимъ образомъ, самый бѣглый обзоръ дѣятельности «Русскаго Инвалида» за прошлый годъ показываетъ, что вниманіе военнаго читателя только и можетъ остановиться на одной статьѣ г. Затлера, да, пожалуй, еще на библиографическихъ статьяхъ этой газеты. Затѣмъ всѣ остальные статьи, за немногими развѣ исключеніями въ пользу нѣкоторыхъ замѣтокъ Артиллериста да статей о донскомъ казачьемъ войскѣ, далеко не заслуживаютъ вниманія. Это, впрочемъ, и не должно нисколько удивлять: «Русскій Инвалидъ» беретъ на себя двѣ роли: въ одно и то же время, онъ желаетъ быть органомъ и гражданскаго и военнаго общества и оттого, разумѣется, всегда, удовлетворяя одному, теряетъ изъ вида другое. Такъ, въ 1857 и 1858 годахъ, онъ помѣщалъ много военныхъ статей, но за то только самымъ поверхностнымъ образомъ касался, въ своихъ фельетонахъ, общественныхъ вопросовъ и городскихъ сплетней, въ прошломъ же году расширилъ послѣдній отдѣлъ и упустилъ совершенно изъ вида первый. Вообще, о редакціи «Русскаго Инвалида» можно сказать, что она гонится за двумя зайцами, изъ которыхъ, конечно, не можетъ поймать ни одного; но это бѣда еще не велика, мало ли чего не случается, но то нехорошо, что, не поймавши ни одного зайца, мы хвалимся своимъ успѣхомъ. вмѣсто того, чтобы разглашать о себѣ похвалы, казалось бы, лучше, еслибъ редакціей было обращено нѣсколько большее вниманіе, по крайней мѣрѣ, на корректурное улучшеніе своей газеты. Вѣдь, правду сказать, читая «Русскій Инвалидъ», иногда приходится оставлять его вслѣдствіе огромнаго множества попадающихся въ немъ ошибокъ. Не говоря уже о томъ, что въ большей части нумеровъ объявленіе о содержаніи нумера бываетъ совершенно не согласно съ дѣйствительно помѣщеннымъ въ немъ, самый текстъ этой газеты исполненъ разными ошибками. Такъ, напримѣръ, гдѣ, въ какомъ изданіи можно найти что нибудь безграмотнѣе слѣдующаго мѣста, помѣщеннаго въ отдѣлѣ разныхъ извѣстій въ № 271? Мы нарочно приводимъ это мѣсто такъ, какъ оно явилось въ печати, въ какомъ видѣ было разослано нѣкоторымъ иногороднымъ подписчикамъ:

«*Любимъ*. 3-го изъ Троицкой церкви, что на рѣу, похищена желѣзная кружка съ деньгами, но сколько ихъ было — неизвѣстно. На другой день кружка эта найдена была въ рѣкѣ Уовымъ Любимской инвалидной ксманды Якобъ Кацъиза изломанною.»

— Въ 1861 году «Русскій Инвалидъ», сколько можно судить по нумерамъ этой газеты за январь мѣсяцъ, издается на прежнихъ началахъ; обѣщанныхъ редакціею улучшеній и измѣненій мы не замѣтили. Появленіе же такой *отсталой* и неприлично желчной статьи противъ г. «Отставнаго», или г. «*Отсталого*», какъ называетъ «Русскій Инвалидъ» автора статьи «Шесть мѣсяцевъ въ Севастополѣ», служить какъ бы залогомъ, что и внутреннее содержаніе «Русскаго Инвалида» (*) остается притомъ же грустномъ направленіи, какое высказалось въ изданіи онаго въ 1859 и 1860 годахъ.

(*) См. общее обозрѣніе № 10 — 13 января.